

Николай Ободников

**Бюро "Канун",
или Ужасы Ивота**

Бюро, созданное злом, чтобы бороться со злом...

16+

Николай Ободников

Бюро «Канун», или Ужасы Ивота

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ободников Н.

Бюро «Канун», или Ужасы Ивота / Н. Ободников — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07220-6

Ивот — городок стеклянных шариков и паранормальной активности. Десять лет назад его потрясла чудовищная волна самоубийств, получившая название «Канун». И вот сейчас, спустя много лет, над Ивотом вновь нависают ужасы «Кануна», когда кошмары и полуночные призраки черным потоком наводняют улицы городка, оживают самые зловещие слухи и городские легенды, творятся нечистые ритуалы и призывается древнее неземное зло. И только Лунославу и Булату по силам положить конец потусторонним ужасам. Ведь эти двое — единственные сотрудники бюро, созданного злом, чтобы бороться со злом...

ISBN 978-5-532-07220-6

© Ободников Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Предисловие

Ивот – реально существующий населенный пункт. И у него достаточно много трагедий: и общих, и личных. Поэтому Ивот в книге – альтернативное место с альтернативными людскими судьбами. Так что не ищите себя, свой знаменитый «нос» или отголоски того, что когда-то омрачило реальность. Максимум, что вам удастся обнаружить, – это улицы и общеизвестные точки Ивота. Всё остальное – фантазия, призванная развлечь вас.

Почему такой пиетет с моей стороны? Потому что некогда я был жителем этого уникального места, хоть и проживаю ныне в отдалении от него. Больше, в принципе, добавить нечего. Надеюсь, после прочтения книги вы непременно захотите прогуляться по Ивоту и его окрестностям ясной лунной ночью. А уж я постараюсь, чтобы у вас при этом, к вашему ужасу, было что вспомнить...

С любовью к Ивоту и Г. Лавкрафту, автор.

Глава 1

Перед нами Ивот – почти современный городок загубленных душ и оплывших отчаянием надежд. Он почти безопасный и почти интересный – с развесистыми ивами, разбросанными там, где заканчивается асфальт, стеклянными шариками и косматым лесом, подчеркивающим его границы. Главное, конечно же, во всём этом – слово «почти».

Территориально этот некогда бывший поселок находится всё там же – между Дятьковом и Бытошью и вашим желанием убраться оттуда как можно скорее...

Получив в свое время желанный статус города, Ивот до поры спокойно жил трудовой и созерцательной жизнью – лесопилка и лесосплав, расцвет магазинчиков и их хозяев, появление градообразующей корпорации «ЗОЛА» и приобретение ею стекольного завода, одинаково скрипящие карусели и трамвайчики, оптимистичные попытки проложить ветку метро и занятное деление городка на Старый Ивот и Новый.

Однако ни деление на районы, ни бурный расцвет не уберегли Ивот от череды массовых самоубийств, черным валиком прокатившихся по нему около десяти лет назад.

Те кошмарные события газетчики быстро окрестили емким словом «Канун», тогда как профессионалы посерьезнее спорили о природе внезапной тяги к самоубийству у населения и о том, к какому виду массового психоза ее стоит отнести в первую очередь. Как бы то ни было, но никакие сторонние специалисты и поднятые по тревоге службы Брянской области не смогли остановить эту жуткую эпидемию, длившуюся пятнадцать дней и унесшую с собой жизни трети населения Ивота.

Всех самоубийц того страшного периода роднила одна пугающая деталь – перевернутая мисочка с остатками промытого риса, найденная возле каждого, кто решил свести счеты с жизнью. Выглядело это так, словно все умершие перед смертью прошли через некий ритуал, в то время как сами они являлись частью зловещего культа, тайно существовавшего в Ивоте. Однако эту теорию быстро исключили как несостоятельную. Потому что среди самоубийц были и приезжие, и даже те, кто явно был не способен осмыслить или спланировать что-то подобное, а именно – дети...

Немаловажной частью тех трагических событий было еще кое-что – странный низкий гул, появившийся за две недели до первого самоубийства и пропавший сразу же после последнего. Проклятый гул звучал лишь на рассвете и закате, словно сам дьявол глубоко под землей бил в циклопический погребальный колокол, предвещавший своим похоронным звоном ужасную кончину каждому, кто его слышит. Тем не менее, несмотря на очевидную связь гула со смертями, найти доказательств этому не удалось, равно как и не удалось найти исток этой пугающей аномалии или постичь ее суть.

Как нетрудно догадаться, после случившегося все компании, толкавшие Ивот к технологическому и культурному прорыву, разом ослабили свое присутствие в городке, оставив после себя лишь заброшенные проекты и горечь тем, кто не нашел в себе сил покинуть насиженные места.

Это был тяжелый удар для Ивота, повлекший за собой не менее тяжкие несколько лет. Но время взяло свое, и жажда наживы сумела подавить суеверия, после чего проекты были разморожены, а в городок снова вернулась жизнь. И вот теперь, когда Ивот наконец сумел оправиться после случившегося, а его жители вспоминали события Кануна лишь в кошмарах, гул вернулся...

Однако на этот раз странный гул сопровождало не менее странное явление – почти любые пугающие слухи или городские легенды могли оказаться правдой, словно каждый их пересказ наливал черные сюжеты дьявольской силой стать реальными.

Но всё же давайте оставим сию печальную прелюдию и перейдем к герою дальнейших страшных событий, пристроимся к нему на плечо и будем наблюдать, терпеливо ожидая иных участников этой ужасающей истории...

Итак, Старый Ивот, июнь, закат, гул...

Возле Ивотской администрации остановилась маршрутка, и из нее вылез субтильный молодой человек двадцати пяти лет от роду. Он огляделся, пытаясь сообразить, куда ему дальше идти. У молодого человека были карие глаза, раскосые зубы, через которые явно прошел не один залихватский свист, темноволосый «горшок» по брови и малопонятное имя – Лунослав. Через плечо у него была перекинута холщовая сумка с чем-то тяжелым.

Лунослав послунывил палец, проверил направление теплого ветра и, наконец, пошел вдоль Пролетарской – к бару «Прощание», располагавшемуся в парке за Домом культуры. Он прислушался: перемальвающий психику едва заметный гул, казалось, шел разом отовсюду. Где-то в подворотне гулу хрипло вторили собаки.

– Вернулся... – пробормотал Лунослав. – Вот уже как... Среда, вторник... Ага! Вот уже две недели как вернулся... Ничего, ничего! Я еще с тобой разберусь, я тебя раскрою! – погрозил он звуковой аномалии.

Этим утром в одной из высоток Нового Ивота были обнаружены двое повесившихся – влюбленная пара. Проклятых мисочек рядом не оказалось, что, скорее всего, указывало на «естественность» недовольства жизнью этими двумя. Случившееся занимало все мысли Лунослава, заставляя его с самого утра ломать голову: не станет ли это предвестником еще одной волны самоубийств – новым Кануном.

Лунослав невольно вспомнил, как потерял в событиях десятилетней давности родителей и пятилетнюю сестренку. Отец и мать отравили себя газом на кухне, а малолетняя сестра захлебнулась в ванне. Возле каждого из них были найдены те самые мисочки с остатками риса. Кошмар, который не всякому дано пережить...

С тех пор жизнь Лунослава круто изменилась, пойдя если не под откос, то хотя бы скатившись по нему в овраг безысходности и бессилия. Посвятив этой чудовищной загадке всего себя, Лунослав всеми фибрами измученной души хотел изобличить злую волю, толкнувшую его близких и прочих людей на те роковые шаги.

И вот теперь у него появилась реальная возможность сделать это.

Пять дней назад Лунослав получил необычную посылку без обратного адреса. В посылке обнаружили: большой конверт, внушительный черный фолиант и короткая записка. В записке указывалось, что на имя Лунослава оформлено бюро с издевательским названием «Канун». Цель бюро – расследование и устранение паранормальных явлений.

Помимо этого, записка содержала предписание: через пять дней явиться в девять вечера в бар «Прощание» и нанять там второго и последнего сотрудника бюро. В конверте также нашлись все юридические бумаги. В черном фолианте, в свою очередь, ничего не было: желтоватые листы книги словно ждали первых касаний пера.

Поиски отправителя посылки и создателя бюро оказались тщетными, поскольку выяснилось, что всё организовали сами работники казенных учреждений, о чём они, как ни странно, ничего не помнили. Зато обнаружилась приятная мелочь: расходы на содержание бюро были оплачены на год вперед, а двум его сотрудникам полагалась внушительная зарплата.

Неожиданно Лунослав услышал позади приближающиеся шаги, словно кто-то бежал прямо на него, желая сбить с ног. Он вопросительно оглянулся, но вокруг сновали только безразличные прохожие.

– Что за чертовщина?.. – пробормотал Лунослав, с холодком ощущая, как чужеродное присутствие и топот сместились за его спину.

Он испуганно обернулся: снова никого. Звуки чужого бега тем временем всё нарастали и нарастали, ввинчиваясь в его уши. Казалось, незримый бегун находится прямо у молодого

человека за затылком, преодолевая последние метры до столкновения. Послышалось чье-то зловещее одышливое дыхание.

– Да что за... – И Лунослав еще раз нервно обернулся.

Вдруг черный фолиант в его сумке затрепетал и как будто потяжелел. Лунослав вынул книгу, и она сама открылась в его руках. На некогда пустой желтоватой странице возник короткий текст на малопонятном языке. Буквы отсвечивали кроваво-красным. В них была видна древняя, пылающая плоть фолианта.

– «Мертвое, иди за мертвым», – неожиданно для себя гортанно прочитал Лунослав и закашлялся, ощутив боль в горле. – А книжица-то непростая...

Нарастающий топот в его ушах неожиданно пропал и послышался впереди, словно незримый преследователь решил избрать иную жертву. Шедшая навстречу девушка испуганно обернулась, а затем еще и еще, будто кто-то пытался ее ужалить. Через миг она в ужасе завизжала, шагнула в сторону – и на нее налетел мотоциклист. Мотоцикл подмял под себя несчастную, протащил ее несколько метров и ударил головой о клумбу. Послышался глухой щелчок, и все, кто это видел, взмолились, чтобы это треснул цветник.

– Это не я... – неуверенно произнес Лунослав, видя, как страница черного фолианта вновь становится чистой. – Чертова книга! Ты же просто чертова книга!..

– А ты чего ожидал?! Это же Черномикон, глупый ты мальчишка! – гундосо заявил некто поблизости.

Под липой, вульгарно пощипывая, стояла Сосулина Алла – местная умалишенная, чей крупный лоб придавал ей сходство с метеором, несущимся к Земле. В руках у нее был кабачок, с которым она никогда не расставалась и который, по ее мнению, умирал и воскресал каждый год.

– П-простите, вы про книгу? – уточнил Лунослав, стараясь не смотреть на безуспешные попытки прохожих оказать первую помощь пострадавшей.

– Черномикон, – кивнула Сосулина и со смешком закрылась от фолианта кабачком. – Мои сны, да, мои сны знают правду! Печать... печать... Да-да! Но она не одна, нет! Эта куда страшнее! Ее использование призывает зло! Настоящее зло! Древний разум, пришедший к нам из бездн космоса!

Заметив, что за ней следят двое мужчин в комбинезонах «ЗОЛЫ», Сосулина умолкла и бросилась прочь, зачем-то натирая рукой лицо. К удивлению Лунослава, двое неизвестных кинулись за ней, одарив его напоследок странными взглядами.

– Происходит что-то нездоровое, – заключил Лунослав и торопливо убрал фолиант обратно в сумку. – Значит, Черномикон? И его использование призывает зло, да?.. А если Канун повторится?! А если... а если... – Молодой человек замер и еще раз взглянул в сторону аварии. – А я буду использовать этот... этот Черномикон! – неожиданно со злостью выпалил он. – И ничего больше не повторится! А эта... эта сама виновата! Не надо шляться по улицам... мертвой!.. Вот мертвое тебя и забрало! Боже, что я несу?..

Устыдившись собственных слов, Лунослав виновато зашагал к бару. У входа в заведение было подозрительно безлюдно: пустовали машины, валялись опрокинутые мотоциклы, словно нечто ужасное разом забрало всех людей. Из-под помятого форда в закатных лучах зловеще выползала вереница муравьев – в форме кометы.

– А вот это совсем странно, – заметил Лунослав и вошел.

К его ужасу, все посетители бара «Прощание» были мертвы. Окровавленные и покореженные, они встретили свои последние мгновения не только в пьяном угаре, но и с жуткими гримасами суеверного ужаса на лицах. Выглядело всё так, словно убранство помещения сошло с ума, проткнув и раздробив их головы и тела.

– Матерь божья!.. – прошептал Лунослав, случайно ступая в кровь. – Ч-что здесь случилось?..

А затем он неверяще уставился на то, что выделялось даже среди этого хаоса, – на парившего вверх ногами связанного мужчину, опустившего голову в кипящую кастрюлю. Мужчина едва заметно просвечивал.

– Д-дух?.. – удивленно сглотнул Лунослав, не заметив, как в сумке задержался Черномикон.

Призрак неспешно поплыл в его сторону. Кастрюля опрокинулась, сполоснув варевом кровь на полу, и Лунослав увидел лицо духа. То был скелетообразный лик потустороннего ужаса, обранный сварившимися лохмотьями кожи и кусками мяса, от которых шел пар. В пустых, почерневших глазницах чувствовались шипящая злоба и ненависть ко всему живому.

– Б-боже ты мой, – просипел Лунослав, пытаясь переставить онемевшие ноги.

– А п-почему, ядрен батон, так тихо, а?! – вдруг раздался недовольный голос.

Из-под стойки вылез молодой человек с прилипшей к щеке зубочисткой. Это был Булат – одноклассник Лунослава, зарабатывавший на жизнь выполнением «различных поручений» – от рукоприкладства к мужчинам до губоприкладства к женщинам. Имея желтые глаза, причёску а-ля Элвис и одежду байкера с позвякивающими сапогами, Булат при этом не имел того, что было свойственно всем, кто обладал хоть каким-то инстинктом самосохранения, – страха. По крайней мере, так он считал.

Булат обвел мутным взглядом погром в баре и его мертвых посетителей.

– Это всё я, да?.. – охнул он, прикрыв рот руками.

Лунослав быстро показал в сторону замершего призрака. Булат облегченно выдохнул и развалился на стуле. Тут на его лице проступило мучительное озарение.

– Эй, а на кого и с кем я теперь работать-то буду?! – возмутился Булат. – Ах ты ж рожа прокисшая! – брезгливо покосился он на призрака. – Решил меня заработка лишиться?! Покоцал тут всех и думаешь, упорхнешь себе, да?! Готовься: огревать будешь!

Закусив зубочистку со щеки, Булат добрел до порождения зла и бесхитростно попытался его избить. Однако всё прошло насквозь – и кулаки, и плевки изо рта Булата. Призрак дернулся, и молодого человека ударил взлетевший столик, после чего в него полетели окровавленные пивные бокалы с позвякивавшими в них зубами.

– Ядрен батон! Наших бьют! – проорал Булат, закрывая голову. – Дрищ! Не стой столбом! Позвони кому-нибудь! Хоть... хоть охотникам за *этими*!.. – Схватив чью-то лазерную указку, он пустил точку лазера в пустую глазницу призрака. – Н-на, гад безглазый! Безглазый? М-да, понял.

Призрак с хрустом передернулся, и барный стул саданул Булата по лицу, отбросив его на стойку с киями и бильярдными шарами. Тут Лунослав сообразил, что «дрищом», к которому обращались, был он. Черномикон тем временем всё продолжал дергаться в сумке, и Лунослав наконец вынул его. На страницах пугающего фолианта появился новый текст. Лунослав прищурился и попытался прочитать увиденное, отчего по его горлу пробежали болезненные спазмы.

– А покинь-ка сей мир, зло! – воодушевленно проорал Булат, делая из двух киёв крест.

Поднявшийся рой бильярдных шаров обрушился на его голову, нанося по ней удары с характерными для игры звуками. Призрак наслаждался страданиями склонявшегося перед ним человека. Булат упал на колени, поблагодарил природу за «крепкий чугунок» и, подтянув к себе стационарный телефон, суматошно набрал номер справочной.

– Алло, девушка? Телефон ближайшей церкви! Срочно! – крикнул он в трубку, игнорируя лупцующие его бильярдные шары. – Что?.. Это срочно! Тогда сама явись сюда и сделай так, чтобы эта штука *отъявилась* отсюда!

Однако трубка выскользнула из его рук, не дав закончить, стукнула его по лбу и накинула телефонный провод вокруг шеи молодого человека. Призрак навис над захрипевшим Булатом, приблизив свое уродливое лицо. В этот же момент Лунослав почувствовал, что его горло закончило пугающе трансформироваться.

– «Да утяжелются конечности *жертвы!* Да впитают они силу касаться мертвых эфирных глобул!» – раскатисто пропел Лунослав на древнем и чуждом языке. – Теперь... теперь можешь его задеть! – крикнул он Булату. – Бей! Должно сработать! Наверное...

Призрак на миг замер, узнав прозвучавшее наречие. Булат боднул его головой, и тот отлетел где-то на метр. На мертвенном лице духа промелькнуло нечто, похожее на растерянность.

– Ага, – обрадовался Булат.

Он широко улыбнулся, распрямился, вытряхнул из волос осколки пивных кружек и принялся воодушевленно колотить призрака. И каждый раз, когда конечность Булата касалась призрачной плоти, предметы и мертвецы в баре взлетали в воздух, будто оказавшись на шкуре огромного барабана, по которой неистово лупили.

Лунослав не сразу сообразил, что корчившегося в агонии призрака сносит прямо на него.

– Эй-эй, парень! Стой-стой-стой! – запротестовал он, вскидывая руки с Черномиконом. – Сги-и-инь!

Дух соприкоснулся с жутким фолиантом – и бар озарила черная вспышка, во время которой выходца с того света бесшумно засосало в Черномикон.

– Ничего себе... – пробормотал Лунослав, обнаружив, что в фолианте один из листов стал угольно-черным.

– Ничего себе! – согласился Булат и поцеловал свои кулаки. – Я теперь всех смогу так колошматить?

– Людей – точно, а *этих* – не знаю, – честно признался Лунослав и с опаской вернул Черномикон в сумку.

– Ну и ладно, – отмахнулся Булат и принялся наливать в окровавленные бокалы пиво. – Дрищ-колдун, иди-ка сюда, к стойке. Будем знакомиться! – И он с гордостью протянул руку: – Булат Боянович Шибкий!

– Хм, почти... – пожал руку Лунослав.

– Что почти? – не понял Булат, передавая пиво.

– Почти побил мое имя. – И Лунослав с отвращением посмотрел на красноватую пену в бокале, после чего отставил его.

– О. И какое? – оживился Булат.

– Лунослав.

– Лунослав?!

– Да, и скажу сразу: фамилия – Безликий.

– Хех! Ядрен батон! Лунослав Безликий! – развеселился Булат, подвигая новому знакомому бутылку водки. – С таким именем и такой книжкой можно запросто сектой руководить!

– Так и есть. Только это бюро.

– Бюро? Оно-то как называется?

– «Канун», – ответил Лунослав и плотнул водки прямо из горлышка.

– Лунослав Безликий работает в канун?! – засмеялся Булат, довольный получившимся каламбуром. – Ну дела, шаман-брат!

– В б-бюро т-требуется второй сотрудник, – пролезгал зубами Лунослав, чувствуя, как его начинает трясти. – И, похоже, нужен кто-то, кто... может вот так... без страха... всё то же... Ну и еще: ты, видимо, единственный, кого я могу нанять в этом месте в это время. – И он многозначительно покосился на мертвецов.

– Да? – Булат поднял свой бокал с пивом и сразу же наполовину осушил его – вместе со сгустками крови и волосами. – А что по денежкам? А то, знаешь ли, я человек востребованный, занятой, ну и всё такое.

Лунослав понимающе кивнул, снова хлебнул водки, вывел на барной стойке чьей-то кровью внушительную сумму и сказал:

– Ежемесячно.

Мельком взглянув на столь приятное число, Булат быстро стер его рукавом «косухи»:

– Когда, говоришь, выходить?

– Похоже, мы *уже* вышли, – неуверенно сообщил Лунослав.

– Кстати, слышал байку о том, что бывает, если ночью идти от Шлагбаума по заброшенной железной дороге? Там еще оглядываться нельзя, когда стук сзади услышишь. А то, говорят, появится какая-то мертвая баба, разрубленная пополам поездом! Да кто это вообще придумывает? Короче, слушай...

Так бюро «Канун» получило своего второго сотрудника – бесстрашного, ловкого, пренебрегающего чистотой алкоголя и не менее ценного, чем первый. Мы же оставим наших героев разбираться в хитросплетениях новых слухов, тонкостях полицейских протоколов и искусстве совместного вранья и покинем их до следующей главы, в которой мы, несомненно, узнаем, что такое Шлагбаум и что бывает с теми, кто берет на себя смелость прогуляться по нему ночью.

Глава 2

Что такое шлагбаум, спросите вы? Это такая привлекающая внимание перекладина, запрещающая или разрешающая движение через железнодорожный переезд. А что за Шлагбаум, в чьем написании непременно присутствует заглавная буква, поинтересуются особо настырные? Это прозвище неухоженного перекрестка, от которого дорога разветвляется на три направления – Дятьково, Старь и, конечно же, Ивот. Здесь почти всегда можно встретить автостопщиков, которым повезло проехать лишь половину пути и которым еще предстояло созреть для легкой прогулки в несколько километров.

Ну и, конечно, занимательный факт об этом месте: несмотря на железнодорожное полотно, соединяющее Ивот и глухие лесные дебри, на Шлагбауме самого шлагбаума давно нет...

Итак, полночь, двое подвыпивших мужчин идут от Шлагбаума по рельсам домой...

– Слышь-слышь! Танюха-то сегодня вообще зачетная была, да?

– Ну-у...

Неуместный в женской компании вопрос принадлежал монобровому Витьке Ковриге, тогда как односложный и неуверенный ответ на него – Петьке Копченому. Конечно, в семейном кругу этих сорокалетних мужчин величали более уважительно и приветливо – не иначе как Виктор Хлебов и Петр Салов. Эти двое – только что из Стари, где гремевший день рождения местного авторитета плавно перешел в вечеринку «для своих». А поскольку ни Коврига, ни Копченый там «своими» не были – их «по-дружески» подбросили до Шлагбаума.

– Ты чего такой тихий? – поинтересовался Коврига, выковыривая из зубов остатки бутерброда с красной рыбой.

– А ты чего такой громкий? – огрызнулся Копченый, пугливо всматриваясь в черные кусты вдоль рельсовой колеи. – Не слышал, как на днюхе рассказывали, что бывает с теми, кто вот так, как мы?

– Что, пожрут на халяву? – не понял Коврига.

– Нет! Что бывает с теми, кто ночью от Шлагбаума идет по рельсам домой!

– Ой, да не мороси ты! Знал бы, что ты такой бздун, пошли бы по дороге!

– Говорят, – вытаращил глаза Копченый, – год назад пьяные железнодорожники в этом самом месте на тепловозе перерубили пополам заблудившуюся бабу-грибника! Хрясь – и надвое! А половинки тела потом спрятали по разные стороны этой самой железной дороги! С тех пор эта баба-призрак по ночам является путникам, что по рельсам шляются, – ищет тех самых железнодорожников! Пристраивается за ними сзади и стучит, стучит, стучит – то ли зубами, то ли еще чем. Но оборачиваться нельзя, нет! Иначе признает та баба-призрак в тебе своего убийцу – и того!

– Чего «того»? – лениво спросил Коврига.

– И того – не найдут тебя! – зло буркнул Копченый, раздосадованный толстокожестью друга.

Тук-тук! – внезапно раздалось позади них. Коврига и Копченый одновременно замерли. Стук был тихим, металлическим и зловещим, словно кто-то попытался привлечь к себе внимание – с того света.

– Не оборачивайся! – взвыл Копченый.

– Да ты гонишь, что ли? – удивился Коврига. – Сам, небось, и постучал – чтобы не одному тут пованивать!

– Говорю тебе, это не я! Только не оборачивайся!

Тук-тук! – снова раздалось позади них, будто что-то донельзя жуткое решило напомнить о себе. Выглянула луна, придав ночной синеве леса окончательно мертвенный оттенок.

Копченый снова вытарашил глаза и горячо прошептал:

– Просто пойдем побыстрее к людям! А еще лучше – побежим! Тут всего-то несколько километров!

– Ага, чтобы я потом себя не уважал? – возмутился Коврига. – Ну уж нет, дудки! Смотри, как это делается: мужик – оборачивается, мужик – остается мужиком!

Изложив только что придуманную мудрость, довольный собой Коврига обернулся – и истошно завизжал, почти по-мужски. Его дернуло назад, и Копченый окончательно остолбенел от парализовавшего его страха.

Позади пару раз звякнуло, и, к удивлению Копченого, рядом с ним пробежал перепуганный товарищ. Бедный Коврига не прекращал вопить и оглядываться. В свете луны сверкнула сталь, и в монобровь Ковриги воткнулась чудовищная коса, сделанная из развороченного рельса. Коврига всхлипнул, по его лицу заструилась кровь, и он, не прекращая потрясенно смотреть за спину Копченого, упал, после чего – умер.

– Я, я, я... – заблеял Копченый, – я ничего не видел! Я ничего не видел! Клянусь! – И он закрыл руками лицо, чтобы действительно никого и ничего не зреть.

Тук-тук! – снова тихо и просительно раздалось сзади.

– Я же ничего не... не видел! Не надо! Я не оглядывался! Я не буду смотреть! Н-не надо! – запричитал Копченый и, несмотря на трусоватость, принял единственное верное решение.

Он медленно пошел вперед – закрывая лицо и ориентируясь ногой по рельсовой нити, которая должна была вывести его через лес в Ивот – к людям. И на каждое его постукивание ботинком по рельсу сзади неизменно доносилось: тук-тук! Однако Копченый был упрям в своем желании выжить любой ценой и потому не оборачивался. Так он, как ему показалось, шел долгие часы и даже успел состариться на пару десятков лет, пока его не окликнули.

– Мужик, ты чего? – раздался участливый голос.

– Л-люди?... Л-люди, это вы?... – не поверил своей удаче Копченый, продолжая держать лицо закрытым. – Позади м-меня есть кто-нибудь... или... или что-нибудь?

– Позади тебя? Ну-ка... Ого, еще как есть!

– И что там? – плаксиво спросил Копченый.

– Коричневый след! Ты, мужик, похоже, конкретно обделался!

Раздался взрыв хохота – молодого, человеческого, успокаивающего.

Копченый с дрожью убрал руки от лица и увидел перед собой группу веселящихся парней и девушек. Кругом были огни улицы Ленина – огни Ивота.

– Я дошел... – счастливо пробормотал Копченый и с облегчением упал в обморок.

Едва начался день, как уже весь Ивот обсуждал злоключения Петра Салова, известного в миру как Копченый. Газеты пестрели фотографиями перепуганного мужчины и рябили подробностями, высосанными, по мнению большинства, из пальца. И потому эти многие считали, что и сам Копченый тоже был высосан из какого-то не очень приятного места.

Было около одиннадцати утра – час, когда безработные и отпускники поднимают чарочки за собственное здоровье.

Несмотря на усталость после уборки бюро, на которую ушел весь предыдущий день, Лунослав и Булат всё же решили проверить эту историю. Как никак – бюро должно работать! И вот теперь, пройдя почти всю улицу Чапаева Старого Ивота, они оказались перед домом Копченого. Дом, к слову, был частным, желтым и облупившимся, словно яичко, которое забыли скушать на Пасху.

Булат положил руку на калитку:

– А нам удостоверения какие-нибудь полагаются? Ну, там, понимаешь, врывается и такой: «Всем лежать! Работает "Канун"!» И особо наглым по губам этим удостоверением! Прямо по губам!

– Не припомню, чтобы нам что-то такое полагалось, – задумался Лунослав. – Будем просто представляться и говорить по делу.

– «Представляться»... – пробурчал Булат и, пройдя через запущенный палисадник, постучал в дверь.

Открыла жена Копченого – дородная бабища с ласковым именем Нелли.

– Ам... э... Здравствуйте! Бюро «Канун»! Мы расследуем всякое там ненормальное, сверхъестественное... П-помогаем, когда уже всё... У вас ничего ненормального нет?.. – натянуто сказал Лунослав, с досадой ощутив, как жалко он выглядит.

– Журналюги? – недобро прищурилась Нелли, и Лунослав окончательно стушевался.

– Говорю же, нужны «корочки», – шепнул Булат товарищу. – Нель, мы к Копченому. Говорят, он дичь какую-то пережил.

– Петя! Поклонники дичи! – объявила та тоном герольда и пошаркала по домашним делам. – Болезный в зале на диванчике – лечится.

– Это ж мужика так зазря губить, – обеспокоился Булат, проходя внутрь. – Одному «лечиться» – нельзя!

– Если что, мне тоже нельзя: мне нужна дикция, – сразу предупредил Лунослав и похлопал по Черномикону в сумке.

Они вошли в зал. Копченый, развалившись на диване в одних лишь семейных трусах, задумчиво смотрел на непечатую бутылку самогона и просвечивавшие в лучах солнца молодые огурчики.

– Петр, здравствуйте! – оптимистично произнес Лунослав, твердо решив реабилитироваться за растерянность при общении с Нелли. – До нас дошли сведения, что с вами приключилось...

– «Дошли»?! – возмутился Копченый. – Да это я – едва *дошел*! А Коврига так и вообще... того!..

– А Ковригу-то не нашли, – вклинился Булат, с интересом поглядывая на самогон.

– Как не нашли?! Я же... я же всё подробно описал! И ст-стук, и к-косу... и Ковригу с... с косой! – И Копченый потрясенно налил себе стопочку.

– Ядрен батон, Копченый, полиция осмотрела всё железнодорожное полотно. Прямо твое паломничество повторили. И ничего. Ты нам расскажи, как всё было, а мы вечером, ближе к полуночи, и сами туда сгоняем. Да, брат шаман?

Лунослав с готовностью кивнул, не совсем понимая, как разговаривать с такими, как Копченый. Зато Копченый прекрасно понимал, как ему разговаривать со всеми.

– Ну конечно! Дерьмо это всё! – скривился он. – Никого и не нашли бы! И вы ничего не найдете! Жертвы-то – пропадают! Что, не слышали, что в народе говорят?!

– А что в народе говорят? – поинтересовался Булат и, подсев к Копченому, бережно влил ему в рот полную стопку.

Копченый закашлялся, закусил, а потом его как будто прорвало. Он всё говорил и говорил – и про проклятый день рождения; и про то, как они с Ковригой на нём услышали этот дурацкий слух; и про Шлагбаум; и про то, как Коврига до конца мужиком оставался, а сам он шел и молился, божился, что бросит пить, курить, изменять... В итоге Копченый выговорился, а Лунослав и Булат получили полную картину случившегося, что называется, из первых рук.

– Это же просто байка, еще одна городская легенда, – осторожно сказал Лунослав.

– Да? А про сандаля слышали? – шепотом спросил Копченый, и Булат тут же влил ему в рот еще самогона. – Говорят, иногда, особенно в старых домах, можно услышать вот такой звук. – И он выразительно и размеренно пошлепал себя ладонью по голой коленке. – Так вот это...

– Знаем мы этот шлепающий звук по ночам! – хохотнул Булат. – Плавали – знаем!

– Нет же! Это... это... – Копченый понизил голос. – Это шлепает сандаля, за которым не ухаживали при жизни!..

Булат застыл, а потом расхохотался, одобрительно хлопнув Копченого по плечу.

– Так, ясно. Значит, может материализовываться обувь, за которой не ухаживали. Мы проверим, – серьезно сказал Лунослав, записав всё в блокнотик, и на всякий случай покосился на свои сандалии. – Спасибо, за... эм-м... фольклор.

После этого сотрудники бюро направились к выходу.

– Я вам говорю, в Ивоте орудует какая-то секта или культ! – крикнул им вслед Копченый. – Это они сделали так, что любая жуткая болтовня становится правдой! Зуб даю!

– А вот это мы точно проверим! – беззаботно бросил Булат.

Оказавшись на улице, Лунослав с облегчением выдохнул:

– Думал, всё пройдет куда сложнее.

– А чего тут сложного? Подливай да слушай! – усмехнулся Булат. – Ну а мы что? В полночь на Шлагбаум?

– В полночь на Шлагбаум. – И Лунослав неуютно поежился.

После этого они отправились обратно в бюро – коротать время за беседами и игрой в карты на одевание.

Полночь того же дня. Шлагбаум.

К перекрестку подъехало такси, из которого вылезли Булат и взволнованный Лунослав. Едва дождавшись оплаты, таксист дал по газам, и машина с визгом скрылась в ночной мгле.

– Наверное, покатыл рассказывать про очередных дураков, решивших здесь прогуляться, – хмыкнул Булат, вдыхая сырой воздух.

– Или у него проблемы посерьезнее, – возразил Лунослав. – Он всю дорогу таблетки от диареи грыз.

– Тут мешок цемента сразу грызть надо – дело такое. Ну что, пошли, брат шаман?

– А пошли, брат Булат, – отважно кивнул Лунослав.

Булат усмехнулся, включил фонарик и первым ступил на железнодорожное полотно.

Черное небо над их головами было беззвездным и пустым, словно отлитым в дьявольском копыте; однако его света вполне хватало, чтобы не сломать где-нибудь ногу. Верхушки темных деревьев со скрипом покачивались, хотя ветра не было. Где-то не то ухала, не то охала сова. Так и хотелось самому постучать по рельсам...

– Так, про мутное образование нашего бюро – знаю, – бодро сказал Булат, пуская при помощи фонарика пугающие тени. – А что по поводу твоей книженции? Что за язык, на котором ты свою вуду-кашу бормочешь?

– Ну-у... – неопределенно протянул Лунослав.

– И-и?

– Да не знаю я! В смысле – не знаю язык, который Черномикон показывает.

– Ну а смысл-то его понимаешь?

– Эм... Примерно, – смутился Лунослав.

– Примерно? – удивился Булат. – А вдруг ты нас всех матом на потустороннем кроешь!

– Не крою. Но горло от этого чтения дерет так, будто стакан стеклянных заноз с завода выпиваешь!

– Да?

– Да.

– Тогда ладно.

Лунослав и Булат в задумчивом молчании прошли еще несколько метров, как вдруг позади них раздалось отчетливое и тихое – тук-тук! Сова тотчас умолкла, а деревья заскрипели еще громче и зловещей. Сотрудники бюро замерли. Черномикон ошутимо дернулся.

– Не оборачивайся! – в страхе прошептал Лунослав, хватая Булата за рукав.
– Ядрен батон, дрищ! Ты чего?! Это же наша работа! – возмутился тот, вырываясь из хватки напарника.

– Хорошо-хорошо! Просто дай мне... чуток подышать! Вот та-ак! Фу-ух! Фу-ух!

Тук-тук! – снова постучал кто-то позади них по металлу.

– Не томи – не яблоко в заднице! – И Булат, схватив Лунослава, обернулся вместе с ним.

Луч фонарика выхватил из темноты ползшую по рельсам ужасную мертвую женщину, разрубленную пополам. Длинные черные волосы покойницы обрамляли ее бледное лицо с пустым взглядом; в руках у нее была жуткая коса, сделанная из острых полос разорванных рельсов. Вторая половина покойницы, едва сучившая ногами, болталась в остатках порванного савана.

– Мать моя, твою мать! – обмер в ужасе Лунослав. – А п-почему на ней саван?! Она же не в нём грибы собирала?!

– Лунтик! Книгу! – скомандовал Булат и молодцевато расправил плечи.

– Сам ты «лунтик»! – оскорбился тот, выхватывая затрепетавший Черномикон.

Фолиант сам раскрылся, подсветив лицо молодого человека кроваво-красным. Появившееся заклинание было большим, и Лунослав приготовился к болезненной трансформации горла.

– Будь готов! – предупредил Булат, выступая вперед. – Если верить Копченому, мертвячка свою сельхозподелку метнет в нас!

Покойница злобно открыла рот, показав черные зубы, и действительно швырнула в них свою жуткую косу. Однако Булат невозмутимо поймал ее. Рукоятка косы была чертовски ледяной, словно холодная нога трупа.

Тем не менее Булат гордо поднял свою добычу над головой:

– Ха, красатуля!

Неожиданно коса в его руках коварно сделала оборот, и сотрудники бюро отпрыгнули в разные стороны, избегая удара зазубренного лезвия. Рядом с Булатом упал Черномикон. Покойница тотчас поползла к косе – мертвенно, неторопливо, делая синим ногтем по рельсе вот так – тук-тук!

– Булат! Читай! – проорал Лунослав, пытаясь выпутаться из кустов.

Тук-тук!

– Что читать?! Тут же ни хрена нет! – отозвался Булат и яростно заморгал, силясь разглядеть в Черномиконе хоть букву.

Однако страницы фолианта просто сочились красноватым светом, словно стоп-сигналы в пробке, ничего больше не делаая и не являя.

– Не может быть! – не поверил Лунослав.

– На! – И Булат показал ему раскрытый Черномикон.

Лунослав ахнул: для него древние письмена фолианта были на месте.

– Ты не видишь их! – крикнул он.

– Чего? – не понял Булат.

Тук-тук!

– Символы – ты не видишь их! – проорал Лунослав.

– Зато я всегда могу сделать вот так! – И Булат, выпрыгнув перед покойницей, ударил ее Черномиконем.

Однако ничего примечательного не произошло: взывшая покойница никуда не делась. У Булата же – отвисла челюсть.

– Что?.. – изумился Лунослав, почти на карачках возвращаясь на рельсы.

– Уши на что! – передразнил его Булат и бросил ему Черномикон. – Читай, дрищ-колдун, что там у тебя было! И свети! Свети мне, солнышко!

После этого он напрыгнул на покойницу, заломил ей руку и постарался вжать головой в шпалу. Вторая половина трупа забеспокоилась, и Булат для острастки пнул ее ногой.

– На мне – пляски, на тебе – пение! – бодро проорал он Лунославу.

Тот с готовностью распахнул Черномикон: кроваво-красные буквы были на месте.

– Капризный! – укорил Лунослав фолиант и откашлялся.

Неожиданно жуткая коса взмыла в ночное небо и размашисто подлетела к хозяйке. Покойница наугад махнула ею, и на щеке Булата остался широкий порез. Молодой человек фыркнул и попытался вырвать косу – вместе с руками ее владелицы.

– «Истлевают кости, иссыхает время – так и плоть эта мертвая будет подана на блюде древнем! О Бессодержательный! Разомкни бездну межзвездную и поглоти дар сей богохульный! Истлевают кости, иссыхает время – так и плоть эта мертвая будет подана на блюде древнем! О Бессодержательный! Разомкни бездну межзвездную и поглоти дар сей богохульный!» – каркаяще прокричал Лунослав.

– Ты... ты зачем эту хрень два раза повторил?.. – поинтересовался Булат, пытаясь про ткнуть покойницу ее же косой.

– Н-не знаю... Тут моргает – как лампочка!.. Похоже, надо повторять до достижения эффекта!.. Я так думаю... – просипел Лунослав. – Так что не мешай! – И он продолжил воспроизводить проклятый призыв.

Тем временем нижняя половина покойницы выскользнула из остатков савана, нагой усе лась на Булата и с чудовищной силой стиснула его ребра своими синими ногами. Темный, вяле ный срез на ней определенно остался после «росчерка» колеса поезда. Булат заорал и задер гался.

– Лунослав, ядрен батон, где, твою мать, колдунство?! – крикнул он, безуспешно брыка ясь.

Вдруг воздух сгустился и покраснел, будто бы напившись горячей кровью. Затем про странство бытия вскрылось, и возникли две вертикальные перевернутые пентаграммы, укра шенные запрещенными оккультными символами и богохульствами. Пентаграммы пламенели в ночном воздухе. Прочертившие их кроваво-красные линии напоминали возникающие в Чер номиконе знаки.

Несмотря на появление пентаграмм, Лунослав продолжил надрывно читать, постепенно погружаясь в транс.

– Работайте уже, звездочки! – процедил Булат, чувствуя, что еще немного – и он опозо рится по полной.

Линии пентаграмм раскрылись, словно раны на теле, и из них выглянуло множество тон ких и вертлявых щупалец. Они обвили половинки покойницы и притянули к себе, после чего пентаграммы стали «процеживать» их сквозь себя. Во все стороны брызнула черная сукровица – и покойница, завопив нечеловеческим голосом, исчезла. Через миг исчезли и пентаграммы. Разрезы в пространстве бесследно срослись.

– Хрена себе!.. – округлил глаза Булат.

Лунослав, которого слегка шатало, с чувством откашлялся и помог товарищу подняться. В руках у того была жуткая коса.

– Кажется, мы что-то подкормили... – пробормотал Лунослав, бережно пряча фолиант.

– А ты вообще уверен, что этим твоим Черномиконем можно пользоваться? – поинтере совался Булат, любуясь косой в свете фонарика. – Вдруг он не только чудовищ изводит, но и сам тот еще злодей, а?

– Н-не знаю.

– Ну и ладно. Зато, кажись, и овцы целы, и волки сыты.

Лунослав показал на косу:

– Это, вообще-то, орудие убийства. Если ее найдут, смерть Ковриги повесят на нас!

– Ничего, отпечаточки сотру и в шкаф поставлю. – Булат бережно погладил косу. – Первый трофей нашего бюро! Красота!

– Нет-нет-нет! Только не вздумай ее целовать!

Но было уже поздно: Булат крепко поцеловал свою добычу.

Что тут еще сказать? После этого ноги наших героев сами понесли их обратно в Ивот. И иногда, когда Булат забывался, он постукивал косой по рельсам. Получался крайне знакомый звук, на который ни в коем случае нельзя оборачиваться... И вам бы тоже не стоило этого сейчас делать. Тук-тук!

Глава 3

Обычная ночь. Типичная гроза. Но давайте взглянем сквозь дождливую темень. Перед нашим взором черным силуэтом предстанет двухэтажный семейный дом, кажущийся таким нелюдимым и зловещим. Возможно, это из-за его почтительного отдаления от всех улиц Старого Ивота. А возможно, и из-за упавшей на гараж сосны – печального последствия грозовых событий двухнедельной давности. Если быть откровенным, тогда много сосен в этом районе повалило. А если уж говорить совсем начистоту, то и в самом доме не всё ладно. Заглянем...

Афанасий Комаров, обычный работяга со стекольного завода, лежал в кровати и кусал от безысходности подушку. Ему не спалось: что-то назойливо мешало – то ли ветки, недобро царапающие окно, то ли нечто, скрывающееся в темноте спальни. Снаружи полыхнула молния, и он увидел покоившийся на комодке колун – дровосечный топор.

– Какого лешего он тут делает? – растерялся Афанасий, абсолютно убежденный в том, что днем оставлял колун во дворе. – Надо бы его вынести – от беды подальше.

Он встал, взял колун и ощутил его пугающую тяжесть. Гоня прочь дурные предчувствия, Афанасий направился к задней двери. Однако вместо этого он неожиданно для себя поднялся на второй этаж – в комнату своего восьмилетнего сына, Глеба. Афанасий подошел к его кровати и высоко поднял колун над головой. Одеяло на кровати мерно вздымалось – мальчик крепко спал.

– Я не хочу! Нет! Не надо!.. – вдруг разрыдался Афанасий. – Беги, Глебка! Ну же!

В ту же секунду мужчина, охваченный суеверным ужасом, стал наносить по кровати и тому, кто в ней был, страшные удары колуном.

– Не-ет! Просту-у! Я не могу! Сын, почему ты заставляешь меня это делать?! – окончательно разревелся Афанасий, чувствуя, что руки ему не подчиняются. – Я н-не... Глеб! Глеб, прости-и-и! Я... А-а-а...

Вдруг откуда-то снизу раздались плач Глеба и странное песнопение. Растерянный Афанасий взглянул на кровать сына: тот, кто в ней находился, был мертв – чудовищно изрублен колуном. Где-то внизу снова заплакал Глеб.

– Я иду! Я иду, сын! – И Афанасий стремительными прыжками спустился на первый этаж. – Где ты, Глеб?!

Плач раздавался из-за белой двери в подвал. На ней были нарисованы черное солнце и ряд каббалистических символов. Афанасий внезапно понял, что всем сердцем ненавидит эту чертову дверь. Он сморгнул слезы и попытался выбить ее плечом. Плач сына и песнопение стали громче.

– Не трогайте его, лиходеи! Не смейте! – заорал Афанасий и осатанело принялся рубить клятую дверь колуном.

К его ужасу, из разрубов потекла кровь. Дверь кровоточила. Афанасий тяжело задышал, взревел и мощным ударом пробил ее. Из распахнувшейся двери вырвался необъятный поток холодной крови – и поглотил его. А затем Афанасий проснулся...

– Что? Что?! – Он потерянно вскочил с кровати и непонимающе огляделся. – Глебка! Гле-еб! Ты в порядке?! Я иду! Глеб!

Афанасий схватил липкими руками колун, всё так же по непонятной причине лежавший на комодке, и стремительно поднялся в комнату сына. Глеб заспанно включил ночник и вопрошительно взглянул на отца, разъяренно рыскавшего по его комнате.

– Опять кошмар приснился? – с сочувствием поинтересовался Глеб.

– Да. Да. Прости, что снова напугал. – И Афанасий, осторожно опустив колун на пол, тихо присел на кровать к сыну.

– Всё тот же сон?

- Да... Извини. – Афанасий крепко обнял мальчика.
- Но ты же меня любишь? – умиротворенно спросил Глеб, начиная засыпать в руках отца. Афанасий поцеловал его в макушку:
- Да, да! Конечно!
- Тогда ничего страшного не произойдет, пап. Это просто сны.
- Боюсь, что-то очень плохое *уже* происходит, сынок... Я... я что-нибудь придумаю...

Можно я тут, с тобой?

- Конечно, пап.

Афанасий сделал себе на полу лежанку из одеял и лег. Пожелав Глебу спокойной ночи, он пристроил колун рядом с собой и уставился в темноту. Эта ночь для него снова пройдет без сна. Но сейчас он ему и не нужен...

Лунослав критически оглядел лежавшую на столе вывеску. Она была похожа на адское надгробие – пепельно-серая, с красными буквами «Бюро "Канун"» и указанием графика работы – круглосуточно и без выходных. Этому «надгробию» предстояло висеть возле входной двери Ивотского дома культуры, где для бюро был арендован старомодный двухкомнатный кабинет.

– Как бы не сдохнуть от такого режима, – пробормотал Лунослав и честно оценил вывеску: – Страшная. – Затем он крикнул: – Эй, Булат! Ну где там шуруповерт?

– Айн момент! – отозвался тот из соседней комнаты. – Уже несусь! Руки-то им себе не вырвешь?

- Язык бы тебе вырвать, – буркнул Лунослав, любуясь вывеской на расстоянии.
- Еще успеешь, брат шаман! – Булат вошел в комнату. – Черномикон спрятал?
- А ты – косу?

Булат многозначительно дрынькнул шуруповертом, на что Лунослав так же многозначительно звякнул ключами. Одним словом, жуткая коса обрела подвешенное состояние в не приметном шкафу, а Черномикон – стальную тюрьму в сейфе.

В дверь бюро постучали, и вошел Афанасий Комаров с газетой в руках. Вид у него был уставший, как у лежалой картофелины. Черномикон в сейфе тут же заскребся. Лунослав и Булат встревоженно переглянулись: жуткий фолиант чувствовал зло.

- Мыши? – понимающе спросил Афанасий, оглядываясь.
- Ага. Одна. Большая. Черная, – мрачно сказал Булат. – Мне, наверное, стоит на секунду отлучиться – чтобы найти чем *покосить*.
- А вы – кто? – осторожно спросил Лунослав.
- Афанасий Комаров, – представился мужчина и поочередно пожал руки сотрудникам бюро.

Рука у Афанасия, к обоюдному удивлению Лунослава и Булата, оказалась теплой и грубоватой – живой.

– Вы – два мастера по борьбе со сверхъестественным? – с надеждой поинтересовался Афанасий. – Я по объявлению.

- По какому еще объявлению? – окончательно растерялся Лунослав.

Афанасий с готовностью протянул газету.

Булат взял ее, хмыкнул и с выражением прочитал:

– «Два мастера по борьбе с нечистью решат ваши потусторонние и неземные проблемы! Звоните и приходите! Стопроцентная гарантия! Бесплатно!»

– Та-ак, ясно, – протянул Лунослав. – Значит, объявление взялось оттуда же, откуда и вывеска с самим бюро.

- Откуда? – не понял Афанасий.

– А ниоткуда, – пожал плечами Булат. – Ладно, мужик, садись. Выкладывай, что там у тебя за напасть приключилась.

Афанасий, почесав вспотевший лоб, послушно присел на диванчик:

– Понимаете, я... я вот уже вторую неделю во сне вижу, как убиваю собственного сына – Глебку! Из-за этого я почти совсем не сплю! Я... я боюсь сорваться и действительно натворить что-нибудь! И почти всегда одно и то же: колун, кровать сына и дверь в подвал, за которой – плач Глеба и какой-то жуткий хор!

– Будьте добры, расскажите поподробнее, – попросил Лунослав и достал блокнотик.

Афанасий еще раз почесал лоб и в подробностях поведал о мучивших его ночных кошмарах.

– Мы разберемся, – бесстрастно сказал Лунослав.

– Слава богу! – перекрестился Афанасий и протянул клочок бумажки. – Вот адрес. Дома сын будет, если что. А то, знаете, просто мочи уже нет! По ночам – не сплю, днем – прийти в себя пытаюсь! Еще и мужиков с трактором пригнать надо – чтобы клятую сосну из гаража вынуть! Зараза такая! Деревьев-то давеча повалило – куча! А эту – прям на нас! Хорошо хоть, не по нам шарахнула! Ну, я на работу. – И он встал, чтобы уйти.

– А малец-то в курсе, что мы придем? – полюбопытствовал Булат, не сводя подозрительного взгляда с мужчины. – А то ведь может содействия не оказать. А оно, ядерн батон, ох как будет нужно.

– Окажет-окажет! – заверил Афанасий и показал фотографию сына. – Вот он – любимый Глебка.

Булат нахмурился, пытаясь сообразить, где именно он видел мальчика с фотографии раньше.

– Ну, бывайте, мужики! – И Афанасий вышел.

– Брат шаман, а тебе паренек не показался... знакомым?

– Что-то такое было, да, – обеспокоенно согласился Лунослав. – А что?

– Да не знаю. – Булат размял кулаки. – Предчувствие, что ли, какое... Хе. А может, и в животе что бродит! Ладно, давай-ка сперва закончим с *гробовым лицом* нашего бюро.

Через час, когда вывеску водрузили на положенное ей место и для приличия сбрызнули пивом, Лунослав и Булат вооружились Черномиконом и отправились к дому Афанасия.

Прибыв на улицу Миронова, Лунослав и Булат быстро нашли нужный дом, который, как оказалось, был совершенно не тем. В пользу этого говорило не только отсутствие упавшей сосны, но и отсутствие самого гаража. К слову, леса поблизости также не было.

– Ядерн батон! Ну и что это за хрень? – огляделся Булат. – Мужик, похоже, так напрягался, что даже адрес не смог нормально написать!

– Но мы-то точно по нему приехали, – заметил Лунослав и постучал в ворота.

– По голове себе постучи, милоч! – вредно посоветовал кто-то. – Зенки протри! Дома-то никого нет, окаянный!

К заборчику соседнего дома подошла баба Маня – терроризирующая незнакомцев и соседей бабуля с хитрым бородавчатым лицом.

Булат отвесил смутившемуся Лунославу щелбан и подмигнул бабе Мане:

– Бабуль, не это ли дом Афанасия Комарова?

– Ты никак, милоч, чайный гриб с наливкой перепутал, ась? – уточнила та. – Халупка эта – Комаровых, да. А вот «фанасиев» тут отродясь не бывало. Хотя, может, к Людке какие «фанасии» по ночам и шастают – похлевать чего.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Лунослав. – Дом – Комаровых, но ни Афанасия, ни Глеба здесь нет?

– Сорванца-то того? – задумалась баба Маня. – Да, сорванец был – да сплыл. Две недели уж как пропавшим числится! Сбежал, поди, от мамки-то такой! Стирает – черт-те как! Огород полет – что кура! А...

– Бабуль, не таракти! – оборвал ее Булат. – Что с мальчиком-то?!

Баба Маня сплюнула, ушла в дом и вернулась с каким-то цветастым листком.

– Эх вы! Весь Ивот ищет! А вы всё, поди, в энтот «нанете» мохнаток покрасившее выискиваете! – И она протянула Лунославу листик.

Это было объявление о розыске пропавшего несовершеннолетнего – Глеба Комарова. К изумлению Лунослава и Булата, на фотографии объявления и на той, что показывал им в бюро Афанасий, был один и тот же ребенок.

– Так его отец, что ли, похитил? – не понял Булат. – Вот же анус двуликий!

– Какой такой-сякой отец? – вклинилась баба Маня. – Так ведь Борька, батька сорванца, давно уж как помер, чтоб его черти на холодец и щи пустили!

– А если это был не его отец? – задумался Лунослав.

– В смысле? – одновременно спросили Булат и баба Маня.

Лунослав похлопал по Черномикону в сумке и торопливо сказал бдительной и ушлой бабуле:

– Срочно позвоните в полицию! Скажите, что мальчик может находиться в доме с упавшей сосной где-то на окраинах Старого Ивота возле леса!

Баба Маня залихватски отдала честь и торопливо пошаркала к себе.

– Что-то мне подсказывает, что это не простое похищение, – заключил Лунослав. – Но зачем было приходить к нам и давать адрес Глеба? Не понимаю.

– Слушай, брат шаман, – вдруг улыбнулся Булат. – А я, кажется, слышал про один лесной отшиб, где две недели назад гроза кучу деревьев повалила! Ну-ка, погнали!

Увлеченные и озабоченные поиском ребенка, они не заметили, что за ними следят...

Место, где две недели назад напроказничала гроза, обнаружилось за улицей Красная Заря – в километре от скопления дач. И действительно, деревья в начале лесополосы, словно огромные спички, были повалены и поломаны. Там же нашелся и заброшенный двухэтажный дом с гаражом, чью крышу пробила одна из сосен. В пустых окнах дома зловеще свистел ветер.

– Как они тут жили? – невольно вырвалось у Лунослава. – Что-то это всё не стыкуется.

– А зачем понимать злодея? – прищурился Булат. – Соврал, и всё тут. Главное, мальчик где-то там.

Однако на последних метрах дороги им заступил плутоватый мужичок с татуировкой синего глаза на подбородке. Это был пятидесятилетний Ермолай Болиничев, бывший начальник одного из цехов стекольного завода, увлекавшийся в свое время водочкой и задуванием под юбки подчиненным.

– Привет, уважаемые! А вы куда? – любопытствовал Ермолай, поглаживая в кармане бежевой ветровки пистолет.

– Жопой резать провода! – огрызнулся Булат, заподозрив неладное. – Тебе не по хрену? Ты вообще кто?

– Я? Я сторож этой частной собственности. – Ермолай подленько улыбнулся. – А потому настоятельно не советую вам посещать ее. К тому же там всё в аварийном состоянии! Так что не рекомендую-с!

Лунослав достал телефон:

– Тогда, полагаю, владельцам «частной собственности» будет что рассказать полиции по поводу пропажи ребенка.

Ермолай притих, огляделся и, заметив вдалеке дачников, вынул руку из кармана с пистолетом. Он не должен был никого подпускать к дому, но и стрелять на людях ему тоже было запрещено.

– Слышал, что тебе сказали, фанат подбородочной живописи? С дороги! – Булат бесцеремонно оттолкнул мужичка. – Пошли, шаман-брат!

Тут Ермолай выхватил телефон из рук оторопевшего Лунослава и бросился с ним наутек, ожидая, что за ним погонятся.

– Верни телефон, псих! – крикнул Лунослав.

Булат подобрал с земли камень, взвесил его в руке и метнул в спотыкавшегося на ухабах Ермолая. «Снаряд» угодил тому прямо в лопатку, заставив ойкнуть. Дачники, со своей стороны, попытались перехватить беглеца, но тот проворно скрылся в чаще.

– Черт возьми! Он спер мой сотовый! – возмутился Лунослав.

– А мы в отместку сопрем жертву похищения, – глубокомысленно сказал Булат и направился к дому. – Не раскисай, Луна! Не творожок в магазине!

Они осторожно вошли в заброшенное строение. Внутри дом был еще хуже, чем снаружи. Всюду валялись кирпичи и битое стекло.

– Я бы сюда даже по чудовищной нужде не зашел, – цинично заметил Булат. – Хотя нет, по чудовищной зашел бы. Ха.

– погоди! Ты это слышал? – остановил его Лунослав. – Слушай-слушай! Кто-то... кто-то поет!

– А... Ядрен батон, точно, бубнит кто-то!

Через миг они оказались перед белой дверью, на которой было нарисовано черное солнце в окружении тошнотворных символов. Гипнотическое песнопение звучало из-за нее.

– Хористы за дверкой, – шепнул Булат. – Что Черномикон?

– Та-ак. Хм. Молчит зараза, – ответил Лунослав.

Булат скривился и приготовился высадить дверь. Однако Лунослав дернул за ручку – и дверь отворилась. Песнопение стало громче. Булат заглянул в дверной проем и увидел кривую лестницу, ведущую в темноту зловещего подвала.

– Надеюсь, у тебя не хрустят коленки, – бросил он Лунославу и покрался вниз по ступеням.

– Не хрустят – не чипсы! – тихо огрызнулся тот.

Преодолев лестницу, они вышли на подвальный этаж, где шла богомерзкая черная месса. Коптили чумазые, жирные свечи. На исписанном богохульствами полу располагался жертвенник, возле которого стервятниками кружили пять пугающих фигур в балахонах. В центре жертвенника лежал истощенный Глеб. Рядом с ним стояли капельницы. Мальчик был в состоянии искусственной комы.

– Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел Лесов! Приди! Приди! Приди! – заунывно пели фигуры, повторяя это снова и снова.

– Я им сейчас так спою! – прошипел Булат. – Только палку потолще найду.

– Палок нужно по количеству негодяев, – загадочно сказал Лунослав.

– Что? Почему?

– Чтобы каждому хватило в задницу вставить.

– Углубленно мыслишь, брат.

– Р-рук-ки вверх! – вдруг раздалось позади сотрудников бюро.

В подвал спустился довольный Ермолай. В руках у него трепетал пистолет.

– А вот это еще плюс пять лет строгого режима! – предупредил его Лунослав.

– И строги там будут не только к тебе, но и к твоей заднице, мужик! – добавил Булат, поднимая руки.

– Вперед-вперед, любопытные вы наши! – И Ермолай вытолкнул их к остальным культистам.

Одна из фигур сняла капюшон и оказалась Пелагеем Пепельковым – бывшим директором стекольного завода; слегка косоглазым мужчиной, напоминавшим лицом и поведением эрегированный член. На подбородке у него также был вытатуирован глаз.

– Эй, а я тебя знаю! Это же тебя по статье из завода выперли – сразу перед тем, как «ЗОЛА» его купила! – обличающе заявил Лунослав. – Ты – Пелагей Пепельков!

– Вы почто мальчика мучаете, зверье контуженное?! – процедил Булат.

Пелагей подал знак остальным, и они откинули капюшоны. Другими культистами оказались бывшие начальники стекольного завода, также уволенные оттуда в момент прихода в Ивот корпорации «ЗОЛА». У каждого из них была татуировка глаза под нижней губой.

– Мы – культ Черного Солнца! – одержимо прохрипел Пелагей. – И с помощью этого ритуала мы превратим «ЗОЛУ» в... в... в золу! Этих проныр к стене – и в расход! Кровь их – в бокалы и в термосы, а заодно и мальчика ею омоем!

Ермолай пинками отогнал Лунослава и Булата в сторонку и затянул детскую считалочку, выбирая, кого первого застрелить. Остальные между тем вернулись к богомерзкому ритуалу. Вновь зазвучал зловещий призыв.

– Ядрен батон, ну вы и балбесы! Культ-то у вас – какого-то там солнца, а татушки себе сделали – глаз! – рассмеялся Булат. – Как вы с ними по улице ходите, а? Люди вас, поди, за дурачков держат, да?

– А накладная борода на что? – ехидно оскалился Ермолай и решил, что первым пристрелит болтуна, метнувшего камень.

– А, ну да.

Лунослав с дрожью сказал:

– Как-то мы недолго поработали в бюро, Булат.

– Выше нос, дрищ-колдун! И на старуху бывает свекруха!

В этот момент в подвал спустился Афанасий с колуном. Убедившись, что его никто не видит, он подкрался к Ермолаю и рубанул его колуном по голове. Брызнула кровь. Череп Ермолая мясисто раскрылся. Культисты испуганно обернулись. Черномикон задержался.

– Убить их! – визгливо проорал Пелагей.

Культисты вынули кривые ножики и бросились в атаку.

Афанасий с ревом крутанул колун вокруг себя:

– Не дам Глебку в обиду, лиходеи!

Завязалась драка. Кровожадно зачавкал дровосечный топор. Булат тут же сбил с ног одного из нападавших. Лунослав потерянно заозирался. Он был далек от рукоприкладства и прочих бытовых конфликтов.

– А мне что делать? – крикнул Лунослав. – Я же не драчун!

– Вот и не дрочи! А то волосы на руках вырастут! – хохотнул в ответ Булат.

Несмотря на красивые зловещие ножики, бывший руководящий состав стекольного завода совершенно не умел ими пользоваться: открытие консервов было не в счет. Так что итог схватки оказался предрешен. Осознав это, Пелагей бросился вверх по лестнице.

– Культ Черного Солнца еще пожрет ваши души! – крикнул он напоследок.

За ним успели сбежать еще двое. Остальные культисты, включая Ермолая, были мертвы.

Афанасий отшвырнул окровавленный колун, бросился к Глебу и принялся выдергивать из него трубки капельниц.

– Глеб! Глеб! Глебушка! Очнись, родной! – взмолился Афанасий, глядя ребенка.

Мальчик растерянно открыл глаза.

– Привет, – тихонько сказал он. – И спасибо.

Афанасий ласково улыбнулся ему. А затем он внезапно преобразился, став уродливым и облезлым гуманоидом – жуткой тварью, скользившей по тонкой грани между явью и снами. Через миг он медленно растаял в воздухе. Черномикон тотчас успокоился.

– Черт возьми!.. – ошарашенно пробормотал Лунослав.

– Черт возьми, – невозмутимо согласился Булат и, бережно взяв Глеба на руки, понес его наружу. – Ты помнишь, что с тобой было, парень?

– Меня похитили, да? – спросил мальчик. – Помню, как мне что-то дали, чтобы я не мог проснуться. Помню, как звали что-то очень плохое. А еще мне снился очень долгий сон о том, как я живу с папой – вымышленным папой. Он заботился обо мне, и за это ему снились *свои* страшные сны. И он не знал, как от них избавиться, чтобы помочь мне...

– Так этот Афанасий – он... – И Лунослав сделал паузу, переваривая услышанное.

– Да, он – мой кошмар...

Булат присвистнул, а Лунослав быстро сделал несколько пометок в блокноте. Когда они вынесли ребенка, к дому уже ехали полицейские машины, вызванные бдительной бабой Маней. На свежем воздухе Глеб снова уснул.

– А странно. Почему этот Афанасий-кошмар сразу не сказал, где они находятся? – задумался Булат, осторожно садясь с мальчиком на ступеньки. – И почему сам не помог мальцу, если он такой... ну, такой материальный?

– Хм... Может, он верил, что действительно живет с ним в его настоящем доме? – предположил Лунослав. – А еще, судя по его рассказу о снах, он не мог пройти через ту дверь. Кошмар для кошмара, одним словом...

– Верно, брат шаман. Верно...

Итак, подведем небольшой итог. Что мы знаем о культурах? Что мы знаем об управляемых сновидениях – или, что еще страшнее, об управляемых кошмарах? Какие цели преследуют первые и каким целям отвечают вторые? Да и стоит ли знать это? Возможно, прямо сейчас, читая это, вы становитесь частью чьего-то ужасного сна. Или, быть может, именно в это мгновение ваш друг или родственник начинает жарить мясо с крайне зловещим лицом. Присмотритесь к тому, что вас окружает, и, если вы что-то заметите, не подавайте вида. Не исключено, что для противодействия этому ужасу вам придется создать собственную секту или даже... проснуться...

Глава 4

Знаете ли вы, что в Старом Ивоте есть озеро с совсем уж неоригинальным названием? Возможно, кто-то важный и сердитый в незапамятные времена ткнул пальцем в карту и заявил: «И вот – озеро!» И все так и поняли: Ивот – озеро. И так стало. Да, именно: в Старом Ивоте есть озеро под названием – Ивот. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что никто из местных его так не называет. Все предпочитают гордо и уклончиво говорить «Пляж» – подразумевая при этом песчаный берег с причалом на улице Приозерная.

Итак, ночь, вышеупомянутый Пляж...

На берегу под звездами отдыхала небольшая захмелевшая компания: два парня, две девушки – как обычно. Много выпито, много скушано, немного наплавано. Наступил черед страшилок у костра, и слово взял бывший школьный хулиган – длинноволосый Олег Жабков.

– А вы слышали про черную реку? – проникновенно спросил он. – Поговаривают, что глубоко под землей есть такой поток, что состоит из одной только черноты! И черноту эту жидкую страсть как мертвечина привлекает! И потому речка та... кладбища подмывает! А гробы с мертвецами после этого в озера и реки выбрасывает! А уж здесь так и вовсе каждую весну гробы плывут!

Девушки на миг испуганно замерли, а товарищ Жабкова подавился пивом. Затем все наперебой загалдели.

– Фу-у, дурак! Мы больше купаться не пойдем!

– Да! Теперь сам себя под водой трогай!

– Ага, чувак! Не круто! Со-о-овсем!

– Да вы чего? Сейчас же лето, так что весенние гробы уже проплыли – вместе со льдом! – расхохотался Жабков. – Айда купаться! – И он, швырнув пустую банку из-под пива в костер, полез в воду.

В спину ему полетели песок и пьяные проклятья, и Жабков со смехом поплыл один. Через две минуты он выплыл на середину озера, лег на воду и стал смотреть на звездное небо. Вдруг рядом с ним раздался тихий всплеск, и Жабков увидел приближавшуюся к нему странную тень, очертаниями похожую на обструганный ствол.

– О, плавсредство! – обрадовался Жабков и уцепился за него.

Однако его руки коснулись не ожидаемой древесной коры – а бахромы с остатками влажной земли. Жабков непонимающе обследовал находку и внезапно с ужасом осознал, что держался за покачивавшийся на волнах гроб. Суеверный страх пронзил Жабкова, и он с писком отдернул руки, едва не захлебнувшись. Тут он заметил, что кошмарные черные силуэты гробов виднелись по всему озеру. И их становилось всё больше и больше...

– Гробы! Гробы-ы! – истошно заорал Жабков и лихорадочно поплыл в сторону костра на берегу.

– В гробу мы тебя видали с такими дурацкими розыгрышами! – донеслось в ответ.

– Да-а! Дурак ты, Олежка! Вот и гроб у тебя тоже дурацкий за это будет!

Последовал взрыв смеха, но одержимый паникой Жабков его не услышал. Он так активно работал руками и ногами, что не заметил, как перед ним зловеще забурлила вода. В черной пене и с шипением вынырнул еще один гроб, и Жабков больно ударился об него головой. Крышка гроба с дьявольским скрипом соскользнула, и на бывшего школьного хулигана вывалился мертвец – ледяной и липкий. Жабков забрыкался и снова истошно заорал, хватая ртом воду. К его ужасу, мертвец зацепился скрюченными пальцами за его длинные волосы «жеребца» и потянул за собой к беспросветному дну озера – к смерти на глубине.

Спустя мгновение вода попала в легкие Жабкова, и он утонул. А еще через миг первый из гробов подплыл к берегу, и улицу Приозерную огласили душераздирающие вопли ужаса...

Полдень. Солнечно. Слегка тревожно.

С самого утра весь берег озера Ивот был оцеплен полицией. Три водолаза прочесывали дно метр за метром, безуспешно пытаясь найти утонувшего Жабкова. Сотрудники МЧС на надувных лодках баграми очищали водоем от гробов. Однако в озере оказались не только они. Это стало понятно с первыми лучами солнца, когда на водной поверхности обнаружились маслянистые черные разводы, словно кто-то слил в озеро дьявольские отходы, несшие в себе те проклятые гробы. И никто не знал, что это и откуда оно взялось.

Лунослав и Булат стояли среди охавших зевак и наблюдали за происходящим: Лунослав – с открытым ртом, Булат – с неизменным выражением брезгливости. К ним подошел капитан полиции Прохор Питонин – похожий на квадрат коренастый мужик с рывкающим голосом. Он бесцеремонно выдернул сотрудников бюро из толпы и провел за полицейский кордон. Ему уже доводилось пересекаться с этой странной парочкой – в баре «Прощание» и в заброшенном доме, где был найден Глеб Комаров.

– Сразу к делу! – объявил Питонин. – Какие-то вандалы каким-то образом изъяли гробы и побросали их сюда! Отсюда вопрос на пятнадцать суток: кто это сделал?

– Как это – «изъяли»? – не понял Лунослав, следя за работой МЧС.

– Значит – достали гробы с усопшими из могил, не потревожив при этом сами могилы! Так достаточно ясно, гражданский?

– Ядрен батон, Капитон! Ты позвонил – мы приехали! – напомнил Булат, невольно дав полицейскому обидную кличку. – Я к тому: ты бы вводные пошире давал. А то, знаешь ли, ни хрена не понятно. – Увидев злость на лице капитана, он зевнул. – Да-да, ты – Питонин, всех проглотить как питон. Проходили уже.

– Мне только что отзвонились со всех кладбищ Ивота: там ни разрытых ям, ни еще каких-либо признаков вандализма! – отчеканил Питонин. – Но, завали меня сосна, кто-то же переместил их оттуда – сюда! – Он мрачно взглянул на очередную партию разбухших от влаги гробов, выгашенных на берег. – Черт побери, а ведь я даже не знаю, чьих родственников оповещать, чтобы те их снова захоронили!

Лунослав проверил Черномикон и разочарованно убедился, что тот был спокоен.

– Хм-м... Исток случившегося явно не здесь, – заметил он.

Из воды вылез водолаз и неуклюже подшлепал задом к Питонину.

– Товарищ капитан! На дне озера какой-то провал! – испуганно сообщил он. – Так вот – гробы прям оттуда прут! А вместе с ними и чернила эти клубятся! Они-то гробики и несут!

– Чернила, говоришь? – Квадратное лицо Питонина расколело подобие улыбки. – Так, двое из бюро, новая вводная! У нас тут недавно сообщение было такое... с душком. Кто-то позвонил и заявил, что где-то на болотах набрел – как бы это сказать? – на языческий храм, что ли.

– Храм? – не поверил Лунослав. – Где-то в окрестностях Ивота есть какой-то языческий храм?!

– Именно! – рывкнул Питонин. – Может, даже и не один! Короче, суть в том, что рядом с тем храмом, по словам очевидца, хлюпали какие-то дегтярные разводы! А это – по вашей мутной части!

– Не по-людски это как-то – гражданских на дело полиции отправлять, – ухмыльнулся Булат.

– А не хрен в объявлениях себя в грудь бить! Так что тебя – не жалко, – процедил Питонин. – А его жалко – чуть-чуть, – показал он на Лунослава. – Не справитесь – спущу на вас всех собак по убийствам в том баре! Гробики себе как раз здесь подберете – по размеру!

– А с дырой-то что делать? – встрял водолаз. – Может, ее гробом каким заткнуть – чтобы дальше не текло?

– Я тебя сейчас сам гробом заткну – чтоб не тек тут! – гаркнул на него Питонин. – Хотя нет, течь заткните – чтобы покойников с кладбищ дальше не вымывало! Но заткните ее только чем-нибудь не... не гробовым!

– Сделаем! – Водолаз отдал честь и пошлепал обратно в воду.

– Капитон, координаты с храмом-то черкани, – невозмутимо сказал Булат.

Питонин побагровел, словно брюква на солнцепеке, но в этот момент его снова отвлекли водолазы.

– Нашли утопленника! Нашли бедолагу! Думали, уж ласты склеим – среди покойников-то плавать! – крикнул один из них.

Затем водолазы вытащили на берег бледного и синего Жабкова. За ним следом вытащился и мертвец, упрямо державшийся страшной рукой за длинные волосы бывшего школьного хулигана. Толпа зевак как по команде ахнула. Кто-то даже упал в обморок.

Питонин угрюмо заметил:

– Хоть этого опознавать не надо... – Он грозно посмотрел на Лунослава и Булата. – Координаты храма скину чуть позже! А пока – брысь отсюда! Еще труп какой сопреет!

Булат фыркнул, и они с Лунославом отправились обратно в бюро – готовиться к поездке.

Вечером, когда Питонин сообщил координаты храма, а Булат арендовал уазик для «лесной прогулки», бюро «Канун» в полном составе выехало на свое очередное загадочное дело. Миновав заброшенный поселок Дробник, располагавшийся северо-восточнее Старого Ивота, наши герои проехали еще около пяти километров в глубь леса, пока впереди не показалась заболоченная местность.

Уазик остановился, и Лунослав выпрыгнул из машины. Под ногами у него чавкнуло. Дьявольский гул, сопровождавший любой закат, был слышен даже здесь, напоминая своим свержественным звучанием проникающее в череп сверло.

– Булат, ты никогда не думал, откуда он берется? – спросил Лунослав.

– Гул-то? Думал... Но больше думал, когда десять лет назад наступил чертов Канун, – пожал плечами Булат, закрывая машину. – Мне тогда еще относительно повезло: у меня всего-то из родни одна бабка Агапья – она же и осталась. Крепкая зараза! А вот твоим потерям, шаман-брат, я соболезнаю... Говорят, Ивот проклят. И я, ядрен батон, еще как в это верю! Ну что, почавкали?

Однако «прочавкать» им удалось не более тридцати метров, потому что на одном из пеньков они обнаружили каравай – добротный, пышущий, домашний.

– А вот это ненормально, – пробормотал Лунослав, доставая Черномикон.

Однако жуткий фолиант, пару раз дернувшись, ничего не явил.

– Хм... Похоже, это просто хлеб... – подытожил Лунослав.

– М-да, так я и думал, – сказал Булат.

После этого он, к удивлению товарища, до земли поклонился караваю, бережно откусил от него кусочек и еще раз поклонился.

– Э-э-э... – растерялся Лунослав.

– Чего? Тоже хочешь? – Булат с видимым удовольствием прожевал свежий и вкусный хлебушек. – Моя бабка с детства учила этому. Бывало, кочергой меня по хребту огреет и приговаривает: каравай на пеньке – поклонись и угостись; каравай на земле – отвернись, сплюнь и не кланяйся.

– Странная у тебя бабка. И что всё это значит?

– А хрен его знает. Может, традиция какая. А может, и чушь полная! Ха! Лично я, к примеру, всё же предпочитаю не жрать хлеб с пней! Но каравай...

– Чертовщина какая-то...

– А то!

Они продолжили путь и вскоре дошли до ориентира – трех почерневших берез. Языческий храм оказался прямо за ними. Он был одноэтажным, древним, черным и покосившимся. От него почти осязаемо исходила аура смерти и зла, отравляя собой лес. Закатные лучи света будто поливали его венозной кровью. Почва перед храмом выдавливая из себя чернильно-маслянистую влагу. Неудивительно, что кто-то сообщил в полицию об этом пугающем месте.

– Откуда это? – проблеял Лунослав, оглядывая грубый фасад храма. – Хорошие люди такое бы не построили!..

– А кто тебе сказал, что это были люди? – усмехнулся Булат и приготовил фонарик.

Лунослав неловко затоптался перед входом, из которого отчетливо разлило кровью.

– А можно? – неуверенно спросил он.

– Можно козу – на возу, Машку – за ляжку и после сорока – подтяжку! – беззаботно заявил Булат и вошел внутрь.

Лунослав перекрестился, тоже достал фонарик и зашел следом. Зал храма оказался пустым и почерневшим – со скошенным полом, неожиданно обрывавшимся ступенями, ведущими куда-то дальше в темноту.

Тем временем из-за деревьев выглянули двое молчаливых мужчин в комбинезонах «ЗОЛЫ». В руках у одного из них был дистанционный детонатор. Он нажал на кнопку, и небольшой взрыв скинул вниз массивный козырек храма, заблокировав вход. По телу пугающего строения побежали трещины, означавшие только одно – храм с минуты на минуту должен был рухнуть. Убедившись, что всё идет по плану, неизвестные стали наблюдать...

– Что это было?! – в панике оглянулся Лунослав, закрывая уши от нараставшего грохота. – Черт! Нас что, завалило?!

– Поправочка, ядрен батон! Нас не завалило, а *заваливает!* – крикнул Булат и, схватив напарника за шкуру, побежал с ним по ступеням в темноту. – А вот тебе, Лунтик, еще поправочка: перед обвалом был слышен хлопок! Значит, явно какие-то гниды расстарались!

Грохот сзади всё нарастал. Храм рушился прямо у них за спиной.

– Что будем делать?! – спросил Лунослав, не прекращая семенить за товарищем. – Позволим этому... Питонину?! Ага?

– Ага! Член тоже нога! – огрызнулся Булат. – А вдруг этот хрен в фуражке нас за этим сюда и прислал?! Чтобы нас этак случайно завалило! Ну уж дудки, дрищ-колдун! Опа... тупик...

Перед ними действительно был тупик – окончательный и бесповоротный. Почти...

– Тут, кажется, есть какой-то проход вниз!.. – воскликнул Лунослав.

Булат подбежал к нему и увидел, что в углу есть маленькая бронзовая дверка, за которой обнаружился влажный спуск, напоминавший окаменевшую глотку. Запах крови стал еще сочнее, а грохот обвала – еще ближе.

– Для карликов, что ли, делали? – недовольно пробормотал Булат и первым шагнул в неизвестность.

Лунослав торопливо шмыгнул следом, и потолок храма с чудовищным скрежетом и гулом окончательно завалил путь обратно. Некоторое время Лунослав потерянно смотрел сквозь оседавшую пыль на камни в дверном проходе – пока не получил подзатыльник от Булата.

– Пошли уже, впечатлительный ты наш! – буркнул Булат и бодро зашагал вниз.

Лунослав нагнал его и тоже отвесил ему подзатыльник. Булат беззлобно рассмеялся. Они спускались еще около десяти минут. Зловещий спуск напоминал изогнутый рогом адский колодец. Было гулко и страшно.

– А вот это очень и очень плохо, – вдруг заявил Булат.

– Что?.. Что там такое?! – заволновался Лунослав, которому из-за товарища ничего не было видно.

– Сейчас прочувствуешь! – довольно улыбнулся Булат и опустился на карачки. – Надеюсь, шаман-брат, клаустрофобии у тебя нет, а?

– Клаустрофобии?! Боже...

Тут Лунослав с ужасом увидел, что спуск привел их в широкий и пустой зал с очень низким потолком, явно рассчитанный на каких-то некрупных существ. Обычный человек не мог здесь распрямиться – даже стоя на коленях.

– Это ненормально! Это просто ненормально! – пробормотал Лунослав, опускаясь на локти.

– Нормально-нормально! Почувствуй себя тестом под скалкой! – подбодрил его Булат.

Дальше им пришлось двигаться, как говорится, на четырех костях. Потолок черной громадиной нависал над ними, а они даже не понимали, куда им ползти, потому что лучи фонариков не доставали до стен. Так они – под аккомпанемент своего тяжелого дыхания – преодолели несколько десятков метров.

– А если воздух закончится?! – в панике прошептал Лунослав. – А если потолок и... и *этот*... заодно?! Они... они хотят раздавить мой воздух, а его остатки – украсть!

Заорав, он лег на спину, уперся одной рукой в потолок, а второй – вцепился в Булата. Фонарик Лунослава тут же покатился в сторону и бесследно исчез.

– Это мой воздух! Мо-ой! – провопил Лунослав и полез к напарнику драться. – Я тебе не дам всё снюхать, Булатушка!

– Успокойся, Лунослав! Ядрен батон, да успокойся же ты! – Булат с силой прижал всхлипнувшего товарища к полу и, схватив его костяшками пальцев за нос, сделал ему «сливу». – Это тебе за фонарик, дрищ!

– Я... я... я всё!.. Я п-пришел в себя! Сп... спасибо! – И Лунослав, зажав занывший нос, покорно пополз за раздраженным Булатом.

Внезапно луч фонарика наконец высветил стены зала: они сужались, словно горлышко бутылки, ведя в пугающую, отекающую нору.

– Я... я туда не полезу! Я там застряну!.. – обмер Лунослав, задыхаясь.

– Как хочешь. Мне же больше воздуха достанется! – ухмыльнулся Булат.

– Нет-нет-нет, погоди! Я п-передумал!

Они по очереди втиснулись в лаз и через минуту выползли в просторную черную комнату – с бессмысленными зловещими барельефами, обугленной стелой в центре и еще одной бронзовой дверкой. Больше здесь ничего не было.

– Господи! Господи!.. – Лунослав распрямился и стал руками загонять воздух себе в рот. – Чуть не задохнулся!.. Чуть...

– Да-да, чуть в штаны нам обоим не навалил, – согласился Булат, оглядываясь. – Эй, шаман-брат! Посмотри-ка лучше на это!

Они подошли к стеле, и на ней вспыхнули кроваво-красные символы.

– А это еще что за хрень? – нахмурился Булат.

– Примерно так выглядит текст в Черномиконе, – отгеснил его Лунослав. – Похоже... похоже, я могу это прочитать! Тут... э-э-эм... сказано, что где-то... где-то под «жизнью людской» есть... печать! Или дверь?.. М-м, неясно. Кажется, этот символ означает сразу и «печать», и «дверь».

– Давай-давай, светило без фонарика! – Булат достал телефон и попытался сфотографировать дьявольские знаки. – Ядрен батон!.. Камера мобилы их не видит!..

– Ага-ага, – отмахнулся Лунослав. – Ух ты! Тут сказано, что под Ивотом находится дверь в мир невообразимого хаоса и древнего зла!..

– Ну, это не новость. Это я и так всегда знал, – иронично заметил Булат. – Есть еще какая мудрость? Может, что посвежее?

– Н-нет, это вроде всё.

Больше ничего интересного не обнаружив, они прошли через бронзовую дверку и оказались в пугающем гулком гроте. В центре него находился обсидиановый бассейн с черной маслянистой водой, словно сотканной из грехов. Из середины бассейна периодически била вверх маслянистая струя. Переливаясь через бортик, черная вода текла к каменным стенам и невозможным образом поднималась по ним к потолку, исчезая затем в трещинах. Дурманящий запах крови шел именно отсюда.

– Исток!.. – прошептал Лунослав и закашлялся. – Так вот что подмывает кладбища! Это... это же самая настоящая *мертвая вода*! – вдруг сообразил он. – Прямо как в сказках!..

– Потом будешь восхищаться сказочными ужасами городка! – осадил его Булат. – А сейчас было бы неплохо на этот унитаз крышку найти!

Лунослав быстро кивнул, достал Черномикон, и тот, словно нехотя, явил новый текст.

– Ладно, рискнем, – пробормотал Лунослав и с изумлением обнаружил, что его горло на этот раз привычно и безболезненно приготовилось к чуждому языку. – «О поток могильный! Не теки в час ночной, не буди в час дневной, не береги мертвых! Что поднесенными венками к загробному взывает, то пусть себя, могильное, отныне в вечности кружит!»

После этих слов фонтан исчез, а вся маслянистая жидкость стала с ужасающим, человеческим стоном втягиваться в воронку, появившуюся в центре бассейна. С потолка посыпались камни, раскалывая бассейн и поднимая мерзкие брызги. Стало очевидно, что это место вот-вот окажется погребено под землей.

– Ядрен батон! Дрищ-колдун! А поаккуратнее как-то нельзя было «колдунить»?! – крикнул Булат и выдернул Лунослава назад в комнату с обугленной стелой. – Двужопие какое-то, выходит, братец! Теперь только обратно – в змеек играть!

– Я туда снова не полезу!

– А еще одну «сливу» хочешь? У меня их целый ящик!

– Хрен с тобой, засранец! Только я тогда первый! – Лунослав выхватил у Булата фонарик. – Вот посмотришь – я собой лаз закупорю! Ха-ха!

– А я себе выход прожру – через тебя!

В комнате загрохотало. Сверху тяжело упала глыба и расщепила стелу.

– Пошел-пошел, Луня! – крикнул Булат. – Времени в обрез!

Они бросились в нору и что было сил заработали руками и ногами. Выскочив в плоский зал, они обреченно услышали, как комнату со стелой завалило. Теперь и этот путь был отрезан. Остались только они, темнота, давящий низкий потолок и... удушье...

– Брат Булат!.. – с дрожью позвал Лунослав.

– Чего?

– Я... я задыхаюсь...

– А Черномикон? Найдется там чего на этот случай?

– Я... я его в комнате с бассейном случайно выронил... Когда ты меня, черт побери, дернул!

– Ладно, не гунди. Сейчас всё исправлю.

– И?.. И?!

– И как же я, ядрен батон, по-твоему, это сделаю, а?!

Неожиданно Булат почувствовал запах свежего хлеба. Приятный душистый аромат шел откуда-то сбоку.

– Лунослав? – шепнул Булат.

– Что?

– Давай-ка за мной! Хлебушек-то точно не простой был...

Булат бесстрашно пополз в темноту, ориентируясь исключительно на свой нюх. Вскоре аромат свежего хлеба ощутил и Лунослав. Через несколько минут они радостно замерли: впереди маячил едва заметный лучик рубинового света. Они торопливо подползли к нему и уви-

дели, что потолок в этом месте просел, создав выход в засыпанный листьями узкий овраг. Булат первым выбрался наружу и помог вылезти напарнику.

– Господи! Наконец-то! – прохрипел Лунослав и обессиленно упал на старую листву.

– Это бюро «Канун», детка-а! Так-то, ядрен батон! – воодушевленно проорал Булат на весь лес.

– Чего вопишь-то?! А вдруг эти услышат, кто храм обрушил?

– А вот на это я как раз очень и очень надеюсь, – зло процедил Булат.

Немного поплутав, они вышли назад к машине. К удивлению молодых людей, в узике их ожидал Черномикон, а возле колеса машины лежал еще один каравай – на земле. Булат сплюнул и поддал его ногой. Подозрительная выпечка отлетела и рассыпалась на порубленные мухоморы и поганки.

– Не понимаю, – задумался Лунослав. – Хлеб с пенька нас вывел, а хлеб с земли вернул Черномикон – и при этом он плохой?..

– А сам-то как думаешь, шаман-брат? – спросил Булат.

– Выходит, Черномикон – зло?

– К бабке не ходи! Так что огорчающие последствия – вопрос времени! Поехали-ка лучше, братец, в бюро – чайка с бутербродами навернем! Эх, красота!

После этого Лунослав и Булат отправились обратно в Ивот – заедать и запивать стресс...

Как видно из случившегося, всё имеет свой исток и свои последствия – будь то хлеб на пеньке или страшилка у костра. Как минимум вам определенно стоит воздержаться от купания ночью в водоеме, особенно если перед этим вы произнесли такие слова, как «гробы» и «озеро». И уж, конечно, каждый из вас знает, что хлеб не встречается в дикой природе. К тому же с ним до вас вполне могла поиграть бездомная собака – или, что еще хуже, бездомный человек. Иначе говоря, в каждом из этих случаев вы можете столкнуться с так называемым эффектом «падающего бутерброда», когда в роли гастрономического казуса выступите вы сами...

Глава 5

Перед нами улица Новая Старого Ивота. Новое в старом. Очередная игра слов, очередная ирония. Однако в этом случае ирония бьет ключом, издеваясь над здравым смыслом, потому что все дома на этой улице – новые. Эдакие мини-особнячки. Эдакий мини-бомонд. Но давайте обратим внимание на дом под нетипичным номером «0».

В «нулевом» обитают Пимоненко – самодостаточная и матриархальная семья. Расположим ее членов в порядке значимости. Вот увядающий дед Агафон. Вот десятилетняя Вика. А вот и ее тридцатипятилетняя мама – Шурочка, высокомерная особа с узкими ноздрями, словно созданными для того, чтобы запихивать в них монетки. Ах да, с ними еще проживала старая трехцветная кошка по кличке Дульсинея. К слову, Шурочка ее на дух не переносила. Она вообще мало кого любила. Являясь в доме основной добытчицей, она же была в нём и главной кровопийцей.

Да, Шурочка Пимоненко терроризировала свою семью, но больше всего она, конечно, любила терроризировать мужские гениталии. И, если по какой-то причине ей это не удавалось, горе в ее лице нисходило на домочадцев. И сегодня был как раз один из таких дней...

Итак, улица Новая, Старый Ивот, поздний вечер...

Неудовлетворенная и оттого злая Шурочка зашла домой. Она сняла туфли и швырнула их об холодильник. Надоели, новые купит. Как назло, домашние уже спали, а Шурочке ой как хотелось на ком-нибудь сорваться. Тут к ней подбежала Дульсинея, и молодая женщина с удовольствием поддала ей ногой.

– Усато-блохастая лошадь! – взвизгнула Шурочка. – Еще затяжек на колготках своими лапищами понаделаешь! А ну, пошла, зараза такая!

На шум выбежала заспанная Вика. Увидев, что Дульсинея, хромяя, убегает, девочка заплакала.

– Мама, зачем ты это сделала?! – всхлипнула она и забрала кошку к себе в комнату.

– Потому что могу! – крикнула ей вслед Шурочка.

Из зала выглянул проснувшийся дед Агафон:

– Нехорошо это – животинку бессловесную обижать!

– Тебя, калоша старая, спросить забыли! – огрызнулась Шурочка. – Дармоеды! То уроки вам, то лекарства! Я спать, и только попробуйте мне тут мяукнуть или кашлянуть!

Она поднялась к себе в спальню на втором этаже и закрылась. Она была зла, не удовлетворена, а еще она очень хотела спать. Выругавшись еще раз в адрес домочадцев, Шурочка переделась, угрюмо легла в кровать и почти сразу уснула.

Наступила полночь, и молодая женщина раздраженно проснулась от чьего-то присутствия в спальне. Она включила лампу и с удивлением обнаружила, что в комнате никого не было.

– Кто здесь? Вика, если это опять ты со своими кошмарами, я тебе клок волос выстригу! – недобро пригрозила Шурочка.

Неожиданно кровать под ней затряслась. Шурочка попыталась спрыгнуть на пол, но с ужасом поняла, что руки и ноги ее не слушаются. Она была парализована. Кровать между тем поднялась в воздух, и Шурочка беззвучно завизжала. Дверь в комнату распахнулась, и на пороге показалась Дульсинея. Кошка, у чьей тени были вытянутые рожки, недобро посмотрела на женщину.

– Спаси и сохрани!.. Спаси и сохрани!.. – едва слышно прошептала перепуганная Шурочка.

Дульсинея по-хозяйски прошла в спальню, и дверь за ней сама захлопнулась. Кошка запрыгнула на грудь парализованной женщины, зловеще посмотрела на нее и протяжно промяукала:

– Три-и-инадцать ле-ет! Сро-ок!

После этого кошка лизнула Шурочке расширенные от страха глаза, и та забылась черным сном...

Наутро Вика обнаружила, что Дульсинея пропала. Она обыскала весь дом, заглянула в каждый уголок, но кошки нигде не было. Наконец зареванная Вика уселась на коленях у деда на кухне.

– Это всё ма-ама! Это всё она виновата-а! Это она ее так стукнула, что та убежала! – прорыдала девочка. – А вдруг наша Дуська больше не вернется?! А вдруг... а вдруг...

– Ну-ну, милая, – прошамкал дед Агафон. – Кошки такие животинки – погуляли, котят нагуляли, вернулись.

– А вдруг наша Дуська не такая животинка-а?..

Раздались шаги на втором этаже, и вниз спустилась Шурочка. Вид у нее, как обычно, был злой и раздраженный.

– Мама! – сердито кинулась к ней Вика. – Ну зачем, зачем ты так нашу Дусю?!

Шурочка непонимающе посмотрела на дочь, отпихнула ее, подошла к кошачьим мискам и мстительно раскидала их ногой. Затем Шурочка, громко хлопнув дверью, ушла на работу. Вика заревела. Дед Агафон вздохнул.

Прошел день. Наступил вечер. Кошка так и не вернулась. Дед Агафон и Вика занимались своими делами, с невольным страхом ожидая возвращения главы семейства. Наконец к дому подъехала машина, и в дом вошла отстраненная и недовольная Шурочка. Никому ничего не сказав и даже не поужинав, она пошла к себе. Дед Агафон и Вика облегченно вздохнули и тоже легли спать.

Однако ночь выдалась беспокойной. Около двух часов после полуночи по дому разнеслось голодное чавканье. Оно доносилось из-за двери Шурочкиной спальни – хотя мужчин та сегодня не привела. А также оттуда слышались зловещее урчание и странные звуки, напоминавшие катание по полу большой куклы. Дед Агафон и Вика перепугались, но зайти и спросить, что случилось, не решились. Закрывшись вместе в одной комнате, они просидели так до рассвета...

На следующие день и ночь необычная ситуация повторилась. Шурочка окончательно стала сторониться домочадцев. Кушала она, судя по звукам, только у себя и только по ночам. Что она ела – неизвестно, но еду с собой никогда не брала. Чем она занималась – тоже оставалось загадкой. Но чавкающие и малопонятные звуки за ее запертой дверью красноречиво говорили о том, что там происходит что-то дурное...

Так прошло три дня. Наконец дед Агафон не вытерпел и решил разузнать, что творится по ночам в Шурочкиной спальне. Переждав, когда чавканье и урчание за дверью дочки стихнут, а звуки катания – пропадут, он осторожно вошел к ней. От увиденного дед Агафон чуть не заорал, едва успев зажать себе рот. У спящей Шурочки были рожки, а из ее рта торчали нечеловеческие кривые зубы, похожие на колотый шифер. Но больше всего деда Агафона напугал огромный, покрытый волдырями длинный язык, которым Шурочка во сне поправила себе волосы.

– Мать моя мамка! Боже ж ты мой божеский, боже! – прошамкал дед Агафон и, пятясь, покинул спальню дочки.

Он спустился на первый этаж и подковылял к кухонному столу, на котором лежала местная газета. Накануне он заметил в ней одно занятное объявление. Дед Агафон схватил телефон и, несмотря на неурочный час, неуклюже набрал номер.

– Алло? Милый человек!.. Ой, беда! Беда у меня стряслась!.. – перепуганно произнес дед...

Так у бюро «Канун» появилось их следующее дело.

К «нулевому» дому улицы Новая подъехал узик болотного цвета. Машина была куплена Лунославом и Булатом вскладчину для нужд бюро, и теперь их поездки всегда начинались со спора, кто поведет. Сыграв напоследок в «камень-ножницы-бумага» в очередном подобном препирательстве, они вышли.

Булат горделиво оглядел опрятный и дорогóй дом:

– Мы, похоже, становимся знаменитостью, шаман-брат! Смотри, какая домина у клиента!

– Местные ненормальные всегда знамениты, – заметил Лунослав. – А мы сразу и местные,

и...

– ...и ненормальные! – хохотнул Булат. – Отжег прямо в точку, братец! Прямо в точку!

Они подошли к дому, возле которого на качелях возились Вика и ее подружка – Веселина.

– А я вот че знаю! – сказала Веселина. – Если одну и ту же кошку кормить в одном и том же месте целых тринадцать лет, то знаешь, что с ней будет?

– Ну и что с ней будет? – спросила Вика.

– Сказать? Сказать-сказать-сказать?

– Ну, хватит! Скажи, вредина!

– Она станет – злым оборотнем! Вот так! Поэтому я свою Мурку всегда кормлю в разных местах – и на столе, и у себя в кровати!

– Ой, а мы Дуську там же кормили – у шкафчика!.. – И Вика, вспомнив пропавшую Дульсинею, расстроилась.

Лунослав с умным видом записал услышанное в блокнот, а Булат с таким же умным видом покрасовался перед девочками «косухой».

– Здравствуйте, – настороженно сказала им Вика. – А вы к кому?

– Мы к Агафону Лавровичу, – вежливо кивнул ей Лунослав. – Он нам звонил по о-о-очень важному делу.

– Ага, прям посреди ночи! – сплюнул Булат и, устыдившись своего поступка, затер плевков ногой.

– Ой, так вы дяди, о которых говорил дед? – обрадовалась Вика. – Пойдемте-пойдемте! У нас тут такое! Такое!

Лунослав и Булат проследовали за ней в дом, и девочка привела их на кухню, где задумчиво сидел дед Агафон.

– Агафон Лаврович? Мы... – начал было Лунослав.

Дед Агафон остановил его экономным взмахом руки и отрешенно прошамкал:

– Дочка моя, Шурочка-то, стала совсем нелюдимою... Раньше хоть, бывало, обругает нас, попрекнет чем... А сейчас ни слова – ни-ни! Даже с работы ее этой, чудо-богаческой, звонили, спрашивали, что с ней. Обедать там перестала. Диво! Что ест-то?! Ни там, ни с нами не кушает! Беда, беда с ней лютая приключилась. Вы бы ее ночью видели! Опростались бы! – И он подробно всё рассказал: и про звуки, и про увиденное, и про характер Шурочкин – злой и бабский.

– А она такая не от рождения? – уточнил Булат.

– Ась?

– Говорю, Шурка ваша раньше во сне нормальная была? Или она зубами к стенке спала, и вы потому ни хрена не видели?

– Когда, говорите, это всё началось? – торопливо перебил Лунослав товарища, пока тот еще что-нибудь не ляпнул.

– А вот как Дуська пропала, так и началось, да.

– А вы найдете мою кошку, дяди? – с надеждой спросила Вика.

– Конечно! – важно кивнул Булат. – Ха! Да я вообще самый известный ловец кисок на районе!

– Булат! – одернул его Лунослав. – У тебя что, запор мысли и понос речи?!

– Чего? Я же про настоящих кошек говорил!

– Так что, люди добрые, возьметесь за наш случай? – И дед Агафон горестно смахнул слезу.

– Мы за все случаи беремся, дед, – заверил его Булат. – Готовы проверить всё! Вообще всё! Даже сигналы о человечине в шаурме!

– Нам бы ее комнату поглядеть, Агафон Лаврович, – сказал Лунослав и достал Черномикон.

Дед Агафон согласно кивнул и провел их по дому. Однако осмотр спальни Шурочки, равно как и всего остального, ничего не дал.

– Вам бы двух часов ночи дожждаться, люди добрые, – произнес дед. – Тогда-то вся чертовщина и начинается.

– Хм, похоже, придется, – обескураженно заключил Лунослав.

– Да, ядрен батон! Луня! Это же наша первая засада! – счастливо воскликнул Булат. – Засадим злу по полной!

Лунослав неохотно согласился с прозвучавшим лозунгом. На том и порешили.

Лунослав и Булат оставили узик перед бюро и вернулись в дом семьи Пимоненко незадолго до предполагаемого возвращения Шурочки. Дед Агафон отвел их в гостевую комнату, что была рядом со спальней женщины, и удалился. Булат тут же развалился на кровати и блаженно закрыл глаза.

– Эй, а кто зло стеречь будет?! – возмутился Лунослав.

– А ты со своей книжкой на что? – зевнул Булат. – Вот и бди, колдун! И мне по-своему бдеть не мешай! Когда будет надо, я все-е-ех одной левой... Э-эх!

Однако ждать им пришлось недолго. К дому подъехала машина, и задремавший Булат незамедлительно проснулся. Лунослав приложил палец к губам. Шурочка тем временем тайком прокралась в свою спальню, закрыла за собой дверь на ключ и приготовилась к своему еженощному действию, приносящему ей удовлетворение и сытость...

– Так, где-то в два часа наш выход. Врываемся, как только услышим чавканье! – напомнил Лунослав и погладил спокойный Черномикон.

– Блин, а тебе бы понравилось, если бы ты ночью «чавкал», а к тебе вломились, а? – буркнул Булат, поворачиваясь на другой бок. – Чавк-чавк, а тут нате – гости!

– Я вот не чавкаю, когда ем!

– А я и не про еду, балбес!

– Так она... она же не только чавкает! – возразил Лунослав, едва скрывая мандраж. – Она еще и выглядит по ночам как-то... необычно!

– Ха! По ночам многие выглядят *необычно*! Тоже мне – новость!

Они замолчали. И вдруг в ночной тишине раздались те самые звуки, о которых говорил дед Агафон. Было похоже, что кто-то очень вкусно кушал – с каким-то мстительным и злоеющим удовольствием, изредка при этом урча. С Булата сразу же сошел весь сон.

– М-да, это определенно не то «чавканье», – разочарованно заключил он, прислушавшись. – Ну что, шаман-брат, готов?

– Нет! – огрызнулся Лунослав. – Мы же собираемся ворваться к хозяйке дома – в запертую спальню!..

– ...в которой она так загадочно чавкает, – важно кивнул Булат. – Ну так что – погнали наши городских?

– Фу-ух! Господи, ладно, погнажи, – смирился Лунослав.

Они тихо вышли. В коридоре их уже поджидали перепуганные дед Агафон и Вика. Булат строго показал им, чтобы они держались подальше. Те кивнули. После этого Лунослав и Булат подкрались к двери в спальню, и подозрительные звуки тотчас пропали. Сотрудники бюро обескураженно переглянулись.

– Хитрая! Улики прячет! – вдруг сообразил Булат.

Он выбил ногой дверь, и они с Лунославом ввалились в спальню. Шурочка в одном халатике спокойно сидела на полу между двух зажженных свечей, не сводя хищного взгляда с ворвавшихся молодых людей. К ужасу Лунослава, ее рот и руки были перемазаны кровью. Капало даже с подбородка.

– Ну что, брат шаман, затеем переговоры с «хозяйкой дома»? – саркастически поинтересовался Булат.

– Мы со злом переговоры не ведем! – И Лунослав показал трясущийся Черномикон.

– Принято.

Внезапно Шурочка подскочила к Лунославу и ударом босой ноги выбила жуткий фолиант у него из рук. Она сейчас же закричала от боли: Черномикон обжег ее, оставив струп на бледной ступне. Однако это не остановило Шурочку, и она пнула оторопевшего Лунослава напрямик в пах. Молодой человек скрючился и тоненько запищал.

– Ядрен батон, ты... ты че так – не по-мужски?! – растерялся Булат.

Шурочка злобно посмотрела на него, и ее волосы затрепетали в потоках потустороннего ветра. Взгляд у нее стал совсем уж лихим и безумным. Из головы женщины вылезли противные рожки, зубы уродливо подались наружу, а из безобразного рта показался чудовищный и длинный язык с волдырями.

– Это что, чупакабра? – удивился Булат.

– Боже ты мой! Это – демон! – простонал с пола Лунослав.

– Главное, что не женщина. Значит, и колошматить ее можно по-взрослому!

Булат прыгнул на Шурочку-демона, и та по-лягушачьи лягнула его, откинув в модный стеллаж с лифчиками. Затем кошмарная женщина обхватила языком Черномикон и, поскуливая от боли, подняла его под самый потолок. Задымившийся фолиант стал недоступен для сотрудников бюро.

– Это же моя мама, дураки! – В комнату со слезами на глазах вбежала Вика. – Мама! Мама! Ты не сердись и не болей! И... и верни мне Дуську!

Лунослав, который от боли в паху едва мог говорить, прокряхтел:

– М-мы ее вылечим!

– И тебя, ядрен батон, вылечим! – ласково передразнил его Булат, выбираясь из остатков стеллажа. – Это уже хрен вылечишь, дрищ-колдун!

Тут в спальню на своих стареньких ножках влетел дед Агафон с охотничьим ружьем. Вскинув оружие, он зажмурился и выстрелил. Картечь, никого не задев, сбила карниз. Шурочка-демон подшагнула к старику и с жутким смехом выбила у него ружье.

– Мама?.. Это же наш дед!.. – крикнула Вика, но ближе подойти не рискнула. – Н-не надо, пожалуйста! Я даже не буду на тебя больше злиться из-за кошки!..

Шурочка-демон, не прекращая хохотать, похлопала деда Агафона по лысине, словно напакостившего питомца. Булат торопливо подобрал ружье и точным выстрелом перебил уродливый язык демона. Черномикон с остатками ротового отростка нечисти влажно шлепнулся на пол. Шурочка-демон взбешенно обернулась, отбросила деда Агафона и направилась в сторону Булата.

– Бу! – невозмутимо сказал тот, зная, что магазин ружья пуст.

– Поп... попробуй Черномикон! – крикнул Лунослав.

– Я же неуч для твоей вредной книжки!

– Да долбани ты ее им!

– О!

Лунослав уже понял, что Черномикон в равной степени мог и поглотить, и изгнать порождения зла. И сейчас жуткий фолиант, судя по причиненной демонической женщине боли, явно был не прочь перекусить чем-нибудь потусторонним.

Булат подхватил Черномикон и двумя ударами «перекрестил» Шурочку-демона. Ту затрясло, и она, ко всеобщему изумлению, превратилась в кошку – пропавшую Дульсинею, у которой теперь было три хвоста. Дульсинея зашипела и, жалобно мяукая, побежала к Вике.

– Хрен тебе, чертов ты, ядерен батон, перевертыш! – проорал Булат и с размаху приложил кошку Черномиконом.

Спальню озарила черная вспышка, и жуткий фолиант высосал из кошки-демона ее проклятую душу. Осталось лишь безжизненное тельце с тремя хвостами. Черномикон же получил свой второй черный лист. Обнаружив это, Булат присвистнул и вернул фолиант товарищу.

– А где м-мама? – растерянно спросила Вика.

– Надо вскрыть пол, – мрачно произнес Лунослав. – Здесь есть люк?

– Что ты, милый человек! Отродясь такого в домике-то нашем не бывало! – ответил дед Агафон, не прекращая креститься.

– Ну-ка, дед, посторонись! – И Булат подошел к двум свечам, так и не упавшим во время схватки.

Немного повозившись с изучением паркета, он нашел, какие из дощечек были съемными, а затем убрал их... Под полом нашлась мертвая Шурочка. Скрюченная женщина была наполовину съедена. Укусы на ее теле принадлежали кошке. Гематомы и царапины на нём указывали на то, что с телом еще и по-кошачьи «играли». Стало очевидно, что чавкающие звуки, слышимые все эти ночи, были звуками пожирания человечины...

И если это было удивительно и страшно, то еще более удивительным и страшным оказалось то, что сказала Вика.

– Это тебе за кошку, мама, – холодно произнесла она и ушла.

Повисло жуткое молчание.

– Ну всё, дед, пойдем мы, – наконец неловко сказал Булат и помог напарнику подняться. – Ты бы это... смотрел за девочкой, что ли.

– Да, всего доброго, Агафон Лаврович, – попрощался Лунослав, держась за ноющий пах.

Они вышли на улицу.

– Похоже, девочка будет в маму, – хмуро сказал Булат.

– Не хотелось бы... – отозвался Лунослав.

– И не будет!

После этого они разошлись по домам, где каждый из них в этот поздний час нашел себе дело по потребностям: Лунослав снимал отек с гениталий при помощи замороженного горошка, Булат же погрузился в изучение объявлений в Интернете.

На следующий день они вернулись к дому семьи Пимоненко, и Булат подарил Вике красивого черного котенка. А на прощание он строго-настрого наказал девочке кормить его в разных местах. Ведь неизменным для кошек должно быть только одно место – для лотка, не так ли?

Из всего случившегося вытекает закономерный вопрос: а что станет с человеком, если он будет кушать на *одном и том же* месте тринадцать лет подряд? Это кажется немыслимым, невозможным, диким. Но если вы всё же решите примерить этот абсурд на себя, то будьте готовы – вы можете сойти с ума. Так или иначе, подобная история является хорошим примером кармического воздаяния. Или злу просто нужен повод? Кто знает...

Глава 6

Вот Старый Ивот. Вот улица Горохова, на которой, впрочем, совершенно нет гороха. А вот и Ивотская средняя общеобразовательная школа – побитая временем и школьниками. Почему школа без номера, спросите вы? Потому что в Старом Ивоте их всего две, так что нумерация, как вы догадались, бессмысленна. Но давайте пока остановимся на той, что мы упомянули. Ведь в ней, несмотря на летние каникулы, всё еще идут изматывающие и нудные факультативы.

Итак, полдень, жара, под лопухами прячутся мухи. Мушкам, в свою очередь, искренне завидуют ученики...

Воспользовавшись кратким перерывом, в женский туалет на втором этаже с гоготом вбежали четыре ученицы десятого «г». Эти милые девушки – Ирка Ненежа, Маринка Курицына, Ленка Порокина и толстушка Зойка Базарова, которую еще иногда называли Зойка Большая Дойка. В их взрослых телах уже вовсю бушевали гормоны, а в их неокрепших умах – бесстыже вытанцовывали мальчики. Туалет для них, равно как и для всякой женщины, – место сокровенного единения, хихиканья и паровозиков из очередей.

Однако на этот раз, к их удовольствию, в туалете были только они. Послушаем их...

– Ой, подружки, ну я даже не знаю, – жеманно сказала Зойка. – Наш трудовик – такой мужчина! Та-а-акой мужчина! Что же нам теперь с «девочками» делать, м? – поиграла она своей грудью. – Ах, просто ума не приложу!

– Зой, это же легко. Просто поточи ему «болванку» своим «напильником»! – подсказала Ирка, и все звонко засмеялись.

– Девочки, а вы слышали про Туалетную Таню? – спросила Ленка, шлепая губами перед зеркалом и так и этак. – Мне вот ребята вчера рассказали...

– А у них рты не заняты были? – перебила ее Зойка.

– А у них-то чего? – наигранно удивилась Ирка. – А вот у Ленки...

Все опять заливисто рассмеялись.

– Ай, ну и дурочки же вы, – отмахнулась Ленка. – Лучше послушайте, что за жуть я вам расскажу. Эту самую Таню убили прямо здесь – в нашем туалете, во второй кабинке! И убила ее одна из наших училок – за курение! Кто именно – неизвестно! Говорят, заманила она ее сюда, когда никого не было, и приложила головой об унитаз! Тело ее потом расчленила, через мясорубку в столовой прокрутила, а получившийся фарш потом здесь же по сливным бачкам разложила! После этого ее кусочками три месяца унитаза полоскало! Представляете? С тех пор мертвая Таня всегда появляется во второй кабинке, если в туалете три раза крикнуть: «Туалетная Таня! Не кури!»

– Придумали же – Туалетная Таня! – прыснула со смеху Ирка. – Только не так всё было. Эту Таню училка из окна библиотеки вытолкнула – за порванную книжку! Да-да! А потом с ее тела всё мясо ножиком срезала и в каком-то школьном унитаза смыла! А косточки ее затем по сливным бачкам школы распихала!

– Ой, а я, кажется, тоже что-то про это слышала, – задумалась Маринка. – Но там училка Таню в спортзале гантелей забила – за следы помады на мяче, которым Таня по лицу получила. А от ее тела она потом тоже через туалет избавилась! Только, говорят, череп бедняжки в одном из сливных бачков спрятала – чтобы любоваться им, когда никто не видит!

– Короче, какую-то Таню в школе убили, а в туалете куски ее тела спрятали, – подытожила Зойка. – Ой, а давайте ее вызовем и спросим, как именно она умерла, а?!

– А это вообще хорошая идея? – засомневалась Ленка.

– А торговать своими ношенными трусиками через Интернет – хорошая идея? – поддела ее Ирка.

– А купили? – тут же заинтересовалась Маринка.

– Эй, алле, я вызываю! – сказала им Зойка, и девушки умолкли. Она повернулась ко второй кабинке. – Туалетная Таня! Не кури! Туалетная Таня! Не кури! Туалетная Таня! Не кури! Ой, а вдруг про «не кури» не надо было?

Внезапно во второй кабинке зловеще скрипнул стульчак, словно на него кто-то уселся. Девушкам сразу же стало не до веселья. Зойка подошла к кабинке и осторожно открыла дверь. Внутри, к облегчению девушек, никого не оказалось.

– Вот тебе и Туалетная Таня. Обычная кидала! – заявила Зойка. – Всем нам урок – чтобы уши перед мальчиками не развешивали!

– Ага, лучше мы перед ними чего другое развесим!

Девушки засмеялись и расселись по кабинкам, не прекращая весело галдеть. Однако в унитазах, занятом Зойкой, происходило нечто недоброе. Из воды медленно поднялась женская кисть. То была длань призрака – дьявольская, бледная и очень холодная. Рука легонько коснулась попы Зойки, и девушка с визгом вскочила.

– Что это?! Что это было?! – выпучила глаза Зойка, вглядываясь в сливное отверстие унитаза. – Девочки, меня... меня, кажется, что-то за задницу только что схватило!

– Ага, мечтай, пышечка ты наша!

– Серьезно?!

– Да она нас разыгрывает! – авторитетно заявила Ленка из соседней кабинки. – Небось рулон туалетной бумаги в трусики уронила. А он выпал и резинкой ее же и шлепнул!

– Сами вы... дуры! Вот!

Перепуганная Зойка пристально вгляделась в беспокойные воды унитаза – и из них выскочила длинная жуткая рука с двумя предплечьями, похожая на гигантский бледный бамбук. Она схватила девушку за волосы и потянула ее к себе – в свое зловонное логово. Зойка басисто завопила и замолотила по стенкам кабинки, зовя на помощь. Остальные девушки покинули свои насиженные места и встревоженно ворвались к Зойке. Вид голосившей подруги, постепенно склонявшейся над унитазом, ужаснул и озадачил их.

– Зой, а... а что это с тобой?.. Ой, мамочки!

– Хватайте ее! Ну же!..

– Рука?.. Девочки! Зойку держит какая-то страшная ручища!.. Ой-ой-ой!

Маринка обхватила визжавшую Зойку, а Ленка и Ирка принялись стучать кулачками по жуткой руке. Зойка между тем всё приближалась к сливному отверстию. Ленка достала маникюрные ножницы и попыталась отрезать попавшей в беду подруге волосы. Однако всё было напрасно. В итоге голова Зойки уперлась в грязный «лаз» и с хрустом вдавилась в него. Треснули одновременно и унитаз, и череп Зойки.

– Божечки-кошечки! Мама! – наперебой завизжали девушки, когда их мертвая одно-классница наконец отвалилась от потекшего унитаза.

В этот день, как вы понимаете, все факультативы были сорваны...

День клонился к закату – времени летучих мышей и дьявольского гула. Лунослав и Булат играли в шашки на щелбаны. За пять партий их было «выдано» уже свыше тридцати, и все они достались Лунославу. Его лоб теперь напоминал долину лиловых гор, заботливо взращиваемых средним пальцем Булата.

– Ну что, брат шаман, готов вкусить силушки богатырской, а? – хохотнул Булат, планируя выиграть шестую партию подряд.

– А хренушки богатырского отведать не хочешь?! – огрызнулся Лунослав.

– А хочу!

– А вот хрен тебе!

Булат снова засмеялся, и в этот момент в бюро вбежали три зареванные девушки – подруги Зойки Базаровой. Лунослав сразу же нанес отвлекшемуся товарищу свой первый и единственный щелбан – щелбан мщения, который, к слову, вышел довольно слабым.

– Ядрен батон! Да ты охренел?! – изумился Булат. – Ну, держись, дрищ!..

– Держусь-держусь!

– Ребята, вы нам поможете, а? – вставила Ленка.

Булат недовольно покосился на нее.

– На улицах говорят, что вы разбираетесь со всяким... ну... – неловко сказала Маринка.

– ...со *странным*, – подсказал Лунослав, поглядывая на обиженно сопевшего Булата.

– А то у нас сегодня подружка умерла... – всхлипнула Ирка.

– Сверхъестественная смерть? – осторожно уточнил Лунослав.

– Это всё Туалетная Таня!

– Да! Ее Зойка, дура такая, вызвала!

– Ага! Прямо в школьном туалете!

– Что еще за Туалетная Таня? – не понял Булат. – Это что, какая-то новая байка, что ли? Блин, да кто всё время ссыт на эту мельницу слухов?!

– Ну, это такая страшилка, – со всхлипом пояснила Маринка. – Какую-то Таню в спортзале учительница убила, а от тела ее избавилась при помощи женского туалета. И там же, в туалете, ее теперь вызвать можно.

– Да нет же! Таньку эту в туалете за курение прикончили! – возразила Ленка.

– Туалетную Таню выкинули из окна библиотеки! – язвительно напомнила Ирка. –

Насмерть разбилась – прямо с книжками!

– Какие же вы тупые, девочки! Говорю же...

– Сама дура, слюнями набитая!

– Зато ты у нас набита чем надо – резинками!

– Это для предохранения!

Слово за слово, и девушки начали громко и вульгарно спорить, словно проститутки на обочине.

– Хорош трюндеть, балаболки! – повысил голос Булат и с грохотом стукнул игровой доской по столу.

Девушки перепуганно взглянули на него – и одновременно зарыдали.

– Ла-адно, – протянул Лунослав. – А теперь, пожалуйста, расскажите о своем туалетном злключении.

И девушки, размахивая руками и перебивая друг друга, поведали страшную и несуразную историю про Туалетную Таню и ее жертву – Зойку Базарову.

– Хм, похоже, в школьном туалете завелся призрак-убийца, – задумался Лунослав.

– Не парьтесь, зазнобушки, мы разберемся! – И Булат по привычке молодцевато расправил плечи.

Девушки тут же с восхищением уставились на него.

– Эй-эй! Мне проблемы с законом и вашими родителями не нужны! – строго сказал им Булат. – Так что все на выход – проветривать косички! Дышим, успокаиваемся, ждем результатов!

Девушки ушли, одарив его на прощание томными взглядами. Булат же повернулся к товарищу. В его желтых глазах читалось предвкушение скорой расправы за подлый щелбан.

– Всё-всё, брат Булат! – протараторил Лунослав, торопливо ища ключи от сейфа с Черномиконом. – Нам пора-пора! Ох как пора! А то вдруг кто еще Туалетную Таню вызовет!

– Ага, уборщица, – процедил Булат и размял пальцы для «сливы».

– Ну я же не со зла!.. – простонал Лунослав, закрывая нос.

– Так ведь и я не со зла, братец! Это я так – для профилактики.

К счастью, позорный вопль Лунослава никто не услышал. Закончив с выращиванием «сливы» и предупреждением причин ее возможного роста, наши герои отправились в школу.

У входа в учебное заведение Лунослава и Булата уже поджидал охранник – Жека Шкварочкин, поклонник футбола, фанат выпивки и обожатель собственных кучеряшек – и на голове тоже. Жека должен был Булату за многое – за разбитые морды, машину и бутылки в баре. И вот теперь у него наконец-то появилась возможность отблагодарить друга.

– Че как? – поздоровался Жека.

– Че как? – отозвался Булат.

– Что почем? – наугад спросил Лунослав.

– Не умничай, не в магазине, – одернул его Булат и обратился к Жеке: – Ну что, заценим место преступления?

Тот пропустил их внутрь, и они пошли на второй этаж.

– Слышь-слышь, Булат. А вы прям реально какие-то нагибатели демонов и чертей всяких? – жадно спросил Жека.

– А то! – приосанился Булат. – А что, так и говорят?

– Ну да. А еще говорят, что вы за это вознаграждение свиньями берете, а если их нет, то детками малыши – или их мамками!

– Врут паскуды, – беззаботно отмахнулся Булат.

– Не врут! – шепнул Лунослав Жеке. – Только это всё он! Мне-то больше *сливы* достаются...

– Иди ты!

– Ну.

Они подошли к женскому туалету. На его двери висела ядовитого цвета ленточка с надписью: «Не входить! Место преступления!» Из туалета веяло духами, кровью и почему-то могильным холодом.

– А можно с вами? – вдруг спросил Жека.

– А дуба врезать не боишься? – прищурился Булат.

– Так ведь за хорошее дело не жалко.

Лунослав задумчиво пожал плечами, и Булат, чертыхнувшись, втолкнул Жеку в туалет. После этого сотрудники бюро зашли следом и огляделись. Дверка второй кабинки висела на одной петле. На кафельном полу подсыхали потеки крови. Возле расколотого унитаза скрючился силуэт, нарисованный мелом.

– Настоящее место преступления! – восхитился Жека.

– Евгений, стоишь и ни во что не лезешь. Это может быть чертовски опасно, – предупредил Лунослав. – Зато потом всем скажешь, что мы за свою работу кровь ни у кого не пьем, младенцев не едим.

– И девок не портим! – засмеялся Булат, прохаживаясь по туалету.

– И, если что, – бежишь отсюда со всех ног!

Жека нервно кивнул и выжидательно замер у выхода.

– Ну, шаман-брат, кто из нас двоих будет призывать проблемы на наши задницы? – поинтересовался Булат.

– А давай я! – с сарказмом предложил Лунослав. – А ты тогда с Черномиконом рэп зачитаешь!

– А ты прям злой.

– Лоб болит! И нос!

– Ладно-ладно, давай я, – согласился Булат.

Они встали перед кабинками, и Лунослав приготовил Черномикон.

Булат откашлялся и зычно крикнул:

– Туалетная Таня! Не кури! Хрень какая-то... Туалетная Таня! Не ори! Туалет...

Неожиданно освещение мигнуло, и Булат умолк. Они огляделись, но всё осталось по-прежнему. Только холодок пробежал по их спинам.

– Камрады, может, надо дверку кабинки назад приладить, а? – робко сказал Жека. – Девки-то перед закрытой дверцей орал, как я слышал.

– Думаешь? – Булат повернулся к Лунославу. – А разве рука не из толчка должна появиться? Зачем хренова дверка?

– А кто ж знает? Вдруг стесняется!

Булат рассмеялся, поправил дверь кабинки и снова крикнул:

– Туалетная Таня! Ау! Не робей, подруга! Тут к тебе свежее мясо пришло!

В кабинке раздался подозрительный шум, и Жека побелел, готовясь сбежать. Булат быстро заглянул внутрь: никого не было.

– Только в унитаз не смотри! – взволнованно предостерег Лунослав. – И это... не смывай!

– Не учи ученого! С двух лет на горшке! Ну и что мы не так делаем, а?

Нечто зловеще заскрежетало по трубам. Пахнуло вырытой могилой. А затем в сливе раковины позади сотрудников бюро фыркнуло, и оттуда вылезла дьявольская рука-убийца. Она размашисто качнулась, бледной пятерней схватила Булата за волосы и потащила его за собой в слив.

– Ядрен батон! Прическа! – заорал Булат и, развернувшись, уперся руками в раковину. – Это что еще за хрень такая?!

– Братан! Держись, братан! – завопил Жека, бросаясь на помощь.

Они с сопеньем стали бороться с жуткой рукой, постепенно скрывавшейся в сливе. Лунослав торопливо постучал по раскрытому Черномикону, но его чуждые буквы не спешили появляться. Между тем волосьяной покров на голове Булата затрещал, и Жека ахнул, увидев в раковине первые капельки крови.

– Быстрей, дрищ-колдун! Сделай что-нибудь, пока с меня, мать твою, скальп не сняли! – крикнул Булат.

– Сейчас-сейчас! – отозвался Лунослав. – Ну же, сволочь ты бумажная! Зараза чертова!

Не выдержав, он три раза хорошенько ударил Черномиконом, целясь в страшную руку. И все три раза попал Булату по голове.

– Ты мне что, за шашки мстишь?! – проорал тот, начиная раскачивать раковину.

– Качаем-качаем, братан! – прокряхтел Жека, помогая ему.

Вновь дохнуло холодом могилы, и в туалете материализовались три страхолюдные девушки-призрака. Они были долговыми, кроваво перекрученными, с раздавленными и вытянутыми головами, сочившимися сукровицей. Помимо непропорционально длинных рук, имевших по два предплечья, у каждой из них было нечто свое – сигареты, лохмотья спортивного костюма и пропуск в библиотеку.

Мертвые глаза девушек-призраков с лютой злобой вперились в Жеку. Тот сразу вспотел, бросил Булата и вынул свою дубинку охранника.

– Суки, я же убил вас! – психованно крикнул Жека. – Я же предупреждал вас, твари: не курить, не портить спортивный инвентарь, не рвать книги! И за это вы теперь мертвы! Мертвы! Хах-ха!

Да, Евгений Шкварочкин оказался не только относительно верным товарищем, но еще и серийным маньяком-убийцей. Девушки-призраки с пронзительным плачем закружили по туалету.

Жека безумно засмеялся:

– Да, да, да, это я их убил! Прямо вот взял и убил! Ы! И никто этого даже не понял! Подумали, курехи из дома сбежали! И именно здесь, в этом бабском туалете, я их и прикончил – после того как оприходовал! Трое за три года! Кости – в пакеты, а пакеты – в вентиляцию!

Х-хах-ха! Только вот ни одной Таньки среди них не было! И вас, двух мудаков, тоже сейчас не станет – чтобы не разболтали чего лишнего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.